
Сценарист

АЛЬМАНАХ. ВЫПУСК 5

Коллектив авторов Сценарист. Альманах. Выпуск 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19488531

ISBN 978-5-4483-0330-2

Аннотация

Журнал про сценаристов и для сценаристов. Выходит раз в 3 месяца. Главный редактор – Александр Молчанов. Пишите: amolchanov@yandex.ru

Содержание

Смерти нет, или Меня зовут Алексей Монахов	5
Гостя	72
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Сценарист

Альманах. Выпуск 5

Редактор Александр Молчанов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смерти нет, или Меня зовут Алексей Монахов

Евгения Некрасова

Ты мать – мне, ты – отец мне, ты брат – мне, ты сестра – мне, ты муж – мне.

Ты отец – мне, ты – мать мне, ты сестра – мне, ты брат – мне, ты жена – мне.

Я родился от тебя. Я родилась от тебя.

Когда я не вижу тебя, я зачинаю тебя заново в своих мыслях.

Когда я не вижу тебя, я вынашиваю тебя снова у себя внутри.

Нет смерти у моей любви. Нет у смерти моей любви.

Смерти вовсе – нет.

1. Лёша шёл-шёл через лесную чащу. Шёл быстро и нетерпеливо, всматриваясь, будто там, где редели деревья и виднелся просвет, его ожидало настоящее чудо.

2. Тёрли друг друга мочалками в ванной. Лёша опустил-ся на колени. Ксения вылила ему сверху на голову шампунь. Медленными, старательными движениями намылила ему голову. Лёша в это время целовал Ксенины острые коленки. Она сняла шланг, усилила воду, стала смывать пену с Лёши-

ной головы. Он набрал воды в рот и начал пускать струи ей в пах. Ксения захохотала.

3. Потом свежие, покрасневшиеся боролись в комнате. Ксения визжала, хрюкала. Лёша просто улыбался и сопел. Он схватил Ксению, посадил её на спину и провез по комнате, звонко шлепая по старому паркету босыми ногами. Потом сбросил Ксению на диван и повалился сверху. Ксения посмотрела на hand-made календарь из настоящих листьев, висевший на стене. Там значился май.

Алёша протянул руку, но не смог дотянуться до календаря, потом качнулся, подался всем телом вперёд, перевернул страницу на июнь. От этого толчка они стали оба падать с дивана, Ксения завизжала. Лёша выставил руку, распластав большую ладонь на полу. Удержал, не упали. Лёшины серо-голубые смотрели в Ксенины серо-зелёные глаза.

4. В их комнате на полу Лёша ползал с карандашом по разложенной на полу гигантской карте Москвы и делал на ней отметки.

5. Ксения высокая, уверенная – стояла перед большим экраном и презентовала концепцию. На стене – менялись фото счастливых малышей и их мам.

КСЕНИЯ: ...нужно перестать стимулировать продажи детских смесей подарками детям. Нужно дарить подарки взрослым.

Сидели три человека в костюмах тройках, двое с непроницаемыми лицами. Один – без пиджака, в полосатой рубашке – улыбался. Креативный (директор) просто, спокойно и уверенно раздувал ноздри. Ксения переключила на слайд, где появилось изображение игрушечной машинки и настоящего авто.

КСЕНИЯ: Почему бы нам не предлагать вместе со семьёю «Малышенок» покупать детскую игрушку и вырастить её в настоящую взрослую вещь, с помощью накопленных баллов?

Один из непроницаемых привстал. Тот, что в полосатой рубашке – налил себе воды из бутылки и отпил.

6. Лёша вёл за собой по Замоскворечью компанию из человек 20. Четыре студентки и один студент занудно-филологической породы, три сбившихся в стаю пенсионерки, интеллигентная пожилая пара – неожиданного европейского вида, и остальные взрослые женщины лет 45. Одна из них, с короткой стрижкой, миниатюрная, в низких джинсах, вела за руку девочку лет 7 в розовом платье и с большими серыми кругами под глазами.

Другая – толстуха, с тигровыми вставками в блузе, высокой причёской и каплями пота на подбородке, тащила за руку мальчика лет 4, и подгоняла другого мальчика лет 12, который всё время пялился в свой мобильный телефон. Ещё

две женщины – всё время жадно переговаривались, как давно не видевшиеся. Была ещё пара: очень мрачный мужик в спортивной футболке, с пакетом в руках и его жена – крашенная блондинка в туфлях на высокой платформе и сарафане. Они явно тут оказались случайно – и очень смущались.

Был ещё один мужик – высокий, худой, с рюкзаком и бородой, он чем-то походил на самого Лёшу, только был старше.

В этой пестрой толпе то появлялась, то исчезала неизвестно куда тощая, курносая, очень некрасивая брюнетка без возраста с зачёсанными назад волосами, в серой, слишком тёплой тёмной водолазке, и брюках. Женщина была бледная, будто напуганная, ни с кем не разговаривала. Она вжимала потёртую кожаную сумку крепче себе в подмышку.

Лёша шёл быстро, уверенно, широко расставляя ноги. Он обернулся, сразу заметил курносую и невольно вздрогнул. Та всё время старалась идти рядом с ним, не отставать.

Лёша остановился перед наземным переходом. Курносая встала рядом с бородатым мужиком, потом всмотрелась, начала вертеть головой и увидела Лёшу на краю тротуара. Попыталась подойти к нему ближе, но не смогла из-за скопившихся других туристов.

Ждали зелёный. Одна из пенсионерок подала старухе, стоящей рядом с протянутой рукой, несколько монет. Та приняла и перекрестилась почему-то на небо.

Загорелся зелёный. Начали переходить, Лёша встал посе-

редине дороги, как учитель начальных классов, вытянул руку по направлению зебры. Мимо прошли пенсионеры, мужик, женщина с девочкой на руках, пара, взрослые женщины, студентки – и те и другие улыбались Лёше. Улыбнулась неожиданно и проходящая курносая. Улыбка сделала её ещё уродливей. Леша не мог оторвать от неё взгляд, потом он заметил, что две пенсионерки и мать с сыновьями замешкались и загорелся красный.

Лёша вытянул левую руку вперёд, сдерживая ладонью поток машин. Правую продолжал держать по направлению зебры. Когда опаздывающие прошли, Лёша не опуская левой руки, осторожно дошёл до тротуара. Машины поехали – Красное море сомкнуло воды.

7. Лёша стоял у дома номер восемь в нижнем Толмачёвском переулке. Его лицо изменилось, из спокойно-будничного, оно стало как тогда, с Ксенией. Красивым, счастливым, нетутошним.

Лёшу обступили плотным кольцом. Мимо спешили по делам прохожие, обступая экскурсионную группу.

Женщины стояли к Лёше близко-близко, делая вид, что им плохо слышно, хотя машины в переулке появлялись не часто. Пожилая пара улыбалась, держась за руки. Мужик с пакетом сделался неожиданно весел. Его жена – смущённой.

Одна из пенсионерок тоже улыбалась золотыми зубами, другая шикала на и так не особо шумящих студенток – они

изредка смущённо посмеивались, прыскали. Третья пенсионерка наклонила голову вниз, и осторожно разглядывая асфальт, слушала. У единственного студента мужского пола было совершенно рассеянное лицо, он смотрел в одну точку, будто рассматривал ворота дома и будто ему было неинтересно. Хотя на самом деле ему было ужасно интересно.

Все дети слушали внимательно, даже мальчик отвлёкся от телефона и смотрел на Лёшу, полураскрыв рот. Курносая стояла в стороне, будто не в экскурсионной группе и взяла крючком что-то из тонких, красных, полушерстяных нитей.

Лёша читал увлечённо, но не по-актёрски, а как-то по-другому, как-будто сам написал текст и спешил поскорее поделиться написанным.

ЛЁША:тут ведьма Коща поперхнулась, крикнула Соломину-воромину. Соломина-воромина тут как тут. Села Коща на корявую да к щёлке. Отыскала сучок,хватила безымянным пальцем сучок – украла язык у Козы: – Как сук не ворочается, как безымянному пальцу имени нет, так и язык не ворочайся во рту у Козы. И вмиг онемела Коза, испугалась Коза, бросила башню. Ушла Коза в горы. Черви выточили горы. Червей поклевали птицы. Птицы улетели за тёплое море. Пропала Коза. И никто не знает, что с Козой и где она колобродит рогатая. А ведьма Коща вильнула хвостом и – улизнула: ей, Коще, везде место! И кончился пир. Пери да Мери, Шуды да Луды – все шуты и шутихи нализа-

лись до чёртиков, в лежку лежали. Хунды-трясучки трясли и трепали седого шептуна-Шандыря. Мяукала кошкой Шавка от страха.

Сел царевич с Копчушкой-царевной, поехали. Едут. А ночь-то тёмная, лошадь чёрная. Едет-едет царевич, едет да пощупает: тут ли она? Выглянет месяц. Месяц на небе, – бледный на мёртвом играет. Мёртвый царевич живую везёт. Проехали гремуч вир проклятый. А ночь-то тёмная, лошадь чёрная. – Милая, – говорит, – моя, не боишься ли ты меня? – Нет, – говорит, – не боюсь. Проехали чёртов лог. А ночь-то тёмная, лошадь чёрная. И опять: – Милая, – говорит, – моя, не боишься ли ты меня? – Нет, – говорит, – не боюсь, – а сама ни жива ни мертва. У семи колов на серебряном озере, где лежит серый Волк, у семи колов как обернётся царевич, зубы оскалил, мёртвый – белый – бледный, как месяц.

Лёша подошёл к маленькой девочке, она, не отводя глаз, глядела на него немного испуганно, но больше с интересом, чувствовала, что не будет от этого человека никакой опасности. Он сел перед ней на колени.

ЛЁША: – Милая, – говорит, – моя, не боишься ли ты меня?

– Нет... А ночь тёмная, лошадь чёрная... – Ам!!! – съел. При слове «Ам!» Лёша схватил девочку и высоко поднял её. Девочка рассмеялась, раскраснелась, круги под глазами

исчезли. Вслед за девочкой рассмеялись и все остальные, в том числе и курносая с вязанием.

8. Ксения сидела в вагоне метро и читала книжку на английском. Поезд остановился.

Объявили «Площадь революции». Рядом с Ксенией освободилось место. Вагон стали заполнять люди. В вагон зашёл Лёша, сел рядом с Ксенией. Она отложила книжку, они обнялись, как будто не виделись несколько лет, но не поцеловались. Поезд тронулся.

КСЕНИЯ: Мы выиграли! В понедельник скажут, но на лицах написано, что это мы.

Лёша осторожно поцеловал Ксению чуть выше виска. Она посмотрела ему в подбородок и поцеловала. Они обнялись и стали сидеть молча. Поезд снова стал тормозить. Люди принялись вставать со своих мест.

Объявили Арбатскую. Лёша подался вперёд, ему показалось, что он увидел со спины курносую с экскурсии, она как будто бы покинула вагон в потоке людей. Вошли новые, в том числе тихие, усталые таджики. Ксения вопросительно дотронулась до Лёшиного плеча. Он мотнул головой, притянул её к себе и они быстро поцеловались.

8. Лёша и Ксения на кухне готовили обед. Она резала помидоры, он чистил рыбу. Они пели хором дурными голосами на птичьем, только им двоим известном языке, с известным

10. В ресторане в стиле рюс-нувориш с бревенчатыми стенами играли свадьбу. Динамики орала: «О, Боже какой мужчина...». Родственники плясали полукругом, внутри которого копошились дебелая невеста и начинающий полнеть, короткостриженный жених.

ТАМАДА (сипло, стараясь перекричать динамики): Посмотрите, какие они красивые и как любят друг друга!

Ксения, сидела мрачная, спиной к танцующим. Опрокинула бокал вина так, как будто это была водка. Вокруг бубнили напивающиеся гости. К Ксении подседа женщина лет 50 с круглым, счастливым лицом. Она принесла с собой тарелку с красной рыбой.

ЖЕНЩИНА: Попробуй, очень вкусная!

КСЕНИЯ: С красным плохо идёт.

ТАМАДА: Давай-давай! Танцуй быстрее!

Гости и новобрачные повиновались и закопошились активней.

ЖЕНЩИНА: Так и не нашла платье?

Ксения была в каком-то полуэтническом сарафане.

КСЕНИЯ: А это не платье?

ЖЕНЩИНА: Можно было бы праздничное купить.

КСЕНИЯ: Слишком дорого на один вечер.

ЖЕНЩИНА: А Лёша не поменял работу?

ТАМАДА (кричал в микрофон): Интересно, кто у них будет первенец: мальчик или девочка?!

Ксения налила себе вина и снова отпила. Справа мужик средних лет оторвался от разговора.

МУЖИК: А что, по улицам так и гуляет! Хорошая работа!

Мужик отпил точно таким же рваным жестом, как и Ксения. Музыка закончилась. Ксения протянула руку за ветчиной, но есть не стала, а положила себе на тарелку и снова налила вина.

ТАМАДА: Таккк! Гости рассаживаются, а вот жених и невеста остаются на месте!

Расположившаяся неподалёку от Ксении шатенка лет 45 в кружевном синем платье протянула руку за красной ры-

бой, которую принесла женщина с круглым лицом.

ШАТЕНКА: Что пристали?! Зато у него квартира своя в Москве!

ТАМАДА: Нам нужна помощь кого-нибудь из родственников!

Ксения взяла бутылку красного, налила и снова выпила.

ТАМАДА: На сцену приглашается... – сестра жениха!

Ксения дернулась. Тамада, щекастый и щетинистый, как загримированный младенец, тянул Ксении пухлую ручку, будто звал на алтарь.

Ксения нащупала рюкзак под столом, надела его, встала и посмотрела на родственников.

КСЕНИЯ: Да дело же в том, что никто из вас даже его мизинца не стоит!

И пошла к выходу, наткнулась и чуть не повалила какую-то немислимую в руссофильском интерьере пальму в кадке.

11. Ксению нещадно рвало в унитаза. Она подняла голову, Лёша бережно и уверенно держал в широкой ладони её волосы. Не выпуская волос из одной руки, он протянул вторую,

покопался на полке в пластиковой коробке и нашёл резинку для волос, провёл Ксении ласково рукой от макушки до кончиков прядей и связал их всех в один крепкий клубок. Ксения заплакала, Лёша обнял её. Она сделала глубокий вздох. Осторожно опустилась на колени перед унитазом. Лёша придёживал её. Ксения посмотрела на дно унитаза.

КСЕНИЯ: Ненавижу своё имя.

Её снова начало рвать.

12. Антон Степанович стоял у окна и говорил. Он был старый и красивый.

АНТОН СТЕПАНОВИЧ: Скоро смоёт её.

ЛЁША (за кадром): Смует?

АНТОН СТЕПАНОВИЧ: Да. А Вы всё свои пешки пишите...

ЛЁША (за кадром): И Ноя не найдётся?

АНТОН СТЕПАНОВИЧ: Разве только Вы.

Антон Степанович развернулся, подошёл к столу.

АНТОН СТЕПАНОВИЧ: Но где тогда Ваши детишки? Вы всё ещё с... Ксенией, да? Имя вроде бы хорошее, но Вашей супруге не подходит.

Разлил водки себе и Лёше. Сел за стол. Чокнулись и выпили.

АНТОН СТАПАНОВИЧ: И потом, каких тварей по паре Вы собрались собирать? Чиновников, ментов, креативный класс? Хотя, Вы у нас Моисей – всех просто поведёте за собой. А тут... Всё скоро смоеет. И Ваше любимое Замоскворечье. И Китай-город. И Арбат со всем этим уродством, что там успели понастроить. И Давыдково Ваше родное. Физически чувствую приближающуюся катастрофу... Будете ещё?

13. В агентстве Ксении коллеги брейнштормили за большим столом. Креативный курил в стакан с водой у окна. Кидались какими-то странными фразами, вроде:

КОЛЛЕГА 1: Женский зад! Нет, сиськи!

КОЛЛЕГА 2: Стамеска!

КРЕАТИВНЫЙ: Пассатижи, б... ть!

Засмеялись. Ксения молчала.

КОЛЛЕГА 3: Гараж и тачки!

КОЛЛЕГА 1: ...день чудесный!

Снова засмеялись. Ксения рисовала на бумажке.

КОЛЛЕГА 4: Народ, хорош, гнать! Одиночество! Одиночество и природа – вот что любят мужчины!

КОЛЛЕГА 1: Мужчины, Андрюха, любят жрать и трахать-ся.

КОЛЛЕГА 2: Природа без одиночества.

КРЕАТИВНЫЙ: Слушайте, ребят, не уходите от брутальности!! Ксюш, что думаешь?

КОЛЛЕГА 2: Бык! Сашка, как насчёт родео нарисовать?!

КОЛЛЕГА 4: Может, парашют? Риск – это тоже брутально.

Ксения подняла голову.

КСЕНИЯ: Обычная, классическая упаковка, какую Саша уже нарисовал. Только смятая.

КОЛЛЕГА 1: И чо?

КРЕАТИВНЫЙ: Подожди, Дим, дай сказать.

КСЕНИЯ: Брутальность – это разрушение. Пусть будет такая обычная, стильная упаковка, только squashed.

Ксения показала набросок.

Первый коллега размял шею, второй взял набросок и передал четвёртому. Третий почему-то виновато улыбнулся.

КРЕАТИВНЫЙ: Ну круто, чо.

14. Лёша и Ксения лежали в постели голые и потные.

КСЕНИЯ: Дай мне два-три года.

ЛЁША: Ты как будто отсрочку приговора просишь.

КСЕНИЯ: Просто сейчас очень много работы.

ЛЁША: Много работы у тебя будет всегда, пока не повзрослеешь.

КСЕНИЯ: И что незрелого в том, что я делаю карьеру? Я, кстати, на два года старше.

Ксения укусила Лёшу в плечо. Он вскрикнул, схватил Ксению и обернул вокруг её в одеяло. Положил её на колени к себе, как запелёнутого младенца и поцеловал в щёку.

КСЕНИЯ: Давай лучше я буду твоим ребёнком.

Лёша посмотрел на неё так, как будто не понял, что она сказала. Внезапно с дверного проёма из комнаты в коридор полилась вода. Потом с дверного проёма в кухню тоже. По углам стали проступать мокрые пятна. Лёша вскочил, влез в пижамные штаны.

Убежал в ванную, принёс ведро и тряпки. Ксения так и сидела голая на диване.

ЛЁША: Подставь ведра под проёмы!...И все провода и компы убери с пола наверх. И мои карты! ...Ксюш!

Ксения встала, надела длинную футболку.

Лёша побежал в коридор, наткнулся там на ксенины кеды, сказал «проклятье!», выбежал в подъезд. Перепрыгивая через три ступеньки, поднялся на следующую лестничную клетку и принялся звонить в бордовую дверь.

Ксения рассеянно оглядывалась, со стен стекала вода.

15. Лёша варил кофе в большой турке, на забитой людьми кухне. Не в их с Ксенией кухне, а какой-то другой, узкой,

вытянутой, с большим обшарпанным окном и широким подоконником. Стоял дым и гул. Кто-то курил, кто-то резал лук и плакал, кто-то мыл посуду, кто-то просто разговаривал. Из соседней комнаты доносились звуки волынки, смех и визги. В кухню вошёл тощий парень, почти мальчишка, он тащил по пятилитровой бутылки воды в двух тоненьких, но жилистых руках.

ТУМ: Дорогу водоносу! Дорогу!!!

Парень rispихивая людей, пробрался к подоконнику, бухнул под него бутылки. Выгнулся, чтобы размять спину, и тут стало ясно, что это девушка. Она подошла к Монахову, принюхалась к турке.

ТУМ: Café du Monahov... (*Кофе от Монахова?*)

ЛЁША: Qui, c'est ca. (*Оно самое!*)

ТУМ: Ооо, Соломина-Воромина разгоношилcя.

ЛЁША: Ребят, кофе кто просил?!

Отозвалось сразу несколько человек. Соломин – довольный и толстый, играл, стоя посреди соседней комнаты на волынке, такой же толстой и весёлой как он. Вокруг танцевали,

смеялись люди.

Ксения вышла из туалета, наткнулась на щуплого, волосатого парня в косухе с кофе в руках. От столкновения содержимое чашки чуть не расплескалось. Парень взвыл, но увидев, что с кофе ничего не случилось, по-театральному расхохотался. Ксения обошла его, протиснулась на кухню, увидела разговаривающих Тума и Лёшу. Лёша варил новый кофе.

ТУМ: Маршрут есть?

ЛЁША: Да.

ТУМ: Не возьмёшь?

ЛЁША: Извини, Тумыч, сейчас один хочу. Очень хочу. Прямо хочется. Одному. Потом мы ремонт начнём и всё...

ТУМ: Да нет проблем.

Ксению кто-то снова толкнул, извинился и растворился в толпе, она даже не поняла – кто. Стала протискиваться к Лёше. Увидев её – Тум улыбнулась и ушла на подоконник.

Ксения пробралась к Лёше. Он пустил её к себе, поставил перед плитой, обнял сзади, взял её ладони в свои, её рукой взял чайную ложку, зачерпнул сахар, положил его в готовящийся кофе и быстро помешал Ксениной же рукой, она рассмеелась.

Тум смотрела на них – высоких, светловолосых – и курила. На подоконнике вдруг появилась Польшка с накрашенными как у царицы египетской глазами и приблизила свой большой рот к тумовскому уху.

ПОЛЬКА: Грех желать жены друга своего.

Тум почесала пирсинг в правой брови и отвела сигарету в угол окна, подальше от Польки.

ПОЛЬКА: Дай затянуться.

Тум молча протянула руку, достала с полки сушку из корзинки и сунула в руку Польке. Та устроилась удобней на подоконнике и принялась жевать сушку, держась за свой выпирающий семимесячный живот. Тум и Польшка теперь обе смотрели на Ксению и Лёшу.

ПОЛЬКА: Она пустая. Нет. Она мёртвая... Странные вы с Монаховым.

ТУМ: А помнишь, что им никто больше года не давал. И вот...

Тум выкинула бычок в стоящую рядом банку из-под оливок и посчитала на своих пальцах.

ТУМ: Десятый, одиннадцатый, двенадцатый... Уже 4 года.

Тум поднесла четыре пальца к подведённым глазам Польки. Та схватила их, отвела от своих глаз и снова посмотрела на Ксению с Лёшей.

ПОЛЬКА: Она правильная – деньги зарабатывает. Нас презирает, считает бездельниками.

Тум протянула руку, взяла сушку из корзинки и принялась жевать её.

ТУМ: И правильно.

Танцующие ирландский танец, наконец, ворвались на кухню, люди прильнули к стенам, пропуская их. Пара протанцевала почти до самых Тума и Польки. Тум встала перед Полькой и вытянула руки вперёд руку, чтобы танцующие не врезались в копию египетской царицы. Полька села на подоконнике с ногами и гоготала, придерживая острый живот. Тум искала глазами Ксению и Лёшу – они были тут, на кухне, целовались, зажатые между плитой и разделочным столом.

16. Дома, на полу в комнате, Лёша плотно сворачивал походную пенку. Обои в некоторых местах были содраны. Ко-

ридорный коврик сушился на балконе. Ксения сидела за ноутбуком за столом.

КСЕНИЯ: Как тебе такой цвет в коридор?

Лёша подошёл со свёрнутой пенкой в руках, посмотрел, поцеловал её в макушку.

ЛЁША: Самый лучше на свете.

КСЕНИЯ: Если ты меня любишь, зачем каждый раз уходишь?

17. Рано утром Лёша с большим рюкзаком со свёрнутой пенкой сошёл с поезда на вокзале небольшого города. В здании вокзала изучил расписание пригородных электричек, потом ел жареные пирожки на перроне. К нему подошла бабка с тележкой на колёсиках, он выбрал у неё себе пару шерстяных носок.

18. Потом Лёша ехал в полупустой электричке и обнимал свой старый зелёный рюкзак. Мелькали дома, деревья. Начались гаражи. Серые их крыши будто гнались за поездом, широкой ротой упираясь на горизонте в сине-зелёный высокий лес. Лёша резко прислонился к стеклу и всмотрелся. На одной из гаражных крыш дёргались два сплетённых тела. Лёша заулыбался и проводил любовников взглядом.

Вошли контролерши, выраженные в бордовую попытку женственности – форму. Одна контролёрша подошла к Лёше. Улыбнулась ему оттого, что он был молод и мужского пола. Лёша протянул ей билет, электричку качнуло, проверяющая дёрнулась.

КОНТРОЛЁРША: Пьяная электричка! Это называется – пьяная электричка!

И засмеялась. Лёша улыбнулся в ответ и снова посмотрел в окно. Гаражи исчезли. Там был лес – один только иссиня-чёрный лес.

19. Лёша шёл с рюкзаком по просторному берёзняку. Шёл уверенным, размашистым шагом, так же, как на своих экскурсиях по московским улицам. Шумели птицы. Ветер шелестел листьями. На секунду Лёше показалось, что за ним идёт та самая курносая баба с вязаньем, он повернулся, но не увидел никого. Было ещё светло, но пасмурно. Птицы пели. В кустах дёрнулся какой-то зверь или птица – Лёша повернул туда голову, но не остановился.

Ксения в одном нижнем белье ползала в их с Лёшей квартире и мыла тряпкой полы. Лёша спустился в небольшой овраг, потом вскарабкался наверх, пошёл дальше – прямо. То ли день заканчивался, то ли лес темнел. Деревья будто сходились вместе, становились ниже, росли гуще. Берёзы сменялись на низкие сосны и ели. Лёша посмотрел наверх

и убыстрил шаг, он хотел прийти на место ночлега до темноты. Он так хорошо знал маршрут, что даже не смотрел на карту.

Ксения драила пол очень старательно, залезала в каждый уголок, отодвигала мебель. Она пододвинула стеллаж – на неё вдруг упало несколько Лёшиных книг, она потрогала голову.

Лёша тоже упал.

Ксения села на пол. Она держалась одной рукой за голову и хотела плакать. Лёша лежал, смотрел вверх, на начинающее темнеть небо. Лежал долго, кажется успел заснуть и увидеть, как Ксения моет пол в одном нижнем белье в их квартире.

Потом Лёша встал и пошёл через густую лесную чащу. Шёл быстро и нетерпеливо, всматриваясь, будто там, где редели деревья и виднелся просвет, его ожидало настоящее чудо.

20. Тум вела машину. На заднем сиденье обнималась молодая супружеская пара.

НАВИГАТОР (женским голосом): Через 200 метров сверните направо.

ДЕВУШКА: Повтори – «Охи мило эллиника»!

ПАРЕНЬ: Чего-чего?

ДЕВУШКА: Ну повтори, чего тебе стоит?!

Прыснули, засмеялись. Машина подъехала к свороту на шоссе. Тут увидела в зеркало как девушка зашептала парню на ухо: «Охи... мило эллиника» и поцеловала его в ухо. Потом они поцеловались в губы. Тут начала тереть глаза, перестроилась в правый ряд и съехала на обочину.

ДЕВУШКА: А чего мы тут?

ПАРЕНЬ: Вам плохо, что ли?

Худые плечи Тут вздрагивали. Она облокотилась головой и руками на руль.

ПАРЕНЬ: Девушка, мы на самолёт спешим.

НАВИГАТОР (женским голосом повторял): Вы свернули с маршрута, вы свернули с маршрута...

21. Соломин, тяжело дыша, поднялся по подъездной лестнице и позвонил в первопопавшуюся дверь – бордовую, ни-

кто не открыл. Позвонил в другую, там отворила интеллигентного вида женщина лет 60.

СОЛОМИН: Вы извините... Я от ваших соседей снизу... Не могли бы вы одолжить пару стульев или табуреток?

Женщина медленно кивнула, скрылась в квартире. Потом по очереди вынесла ему сначала одну, потом вторую табуретку. Соломин поблагодарил, сложил табуретки друг на друга и спустился с ними на пролёт ниже, зашёл в квартиру Лёши и Ксении, в комнату, и поставил две табуретки у стола, вокруг которого сидели тихие гости. Сам сел на одну из табуреток. По стенам квартиры так и свисали клочками обои.

Ксения с очень прямой спиной сидела в углу и не могла понять, что происходит. Женщина, которая пыталась на свадьбе кормить её рыбой – мать, сидела рядом, тянула стакан к Ксениному рту и уговаривала выпить воды.

Полька принесла с кухни на животе огромное блюдо с кутьёй. Потом пили, не чокаясь, много говорили по очереди, Антон Петрович особенно долго и многозначительно про то, что улицы Москвы потеряли своего выдающегося экскурсовода, даже Ксенин брат, – откуда он там взялся? – что-то промычал. Тум ходила плакать и курить на балкон, где так и лежал забытый коридорный коврик, Соломин играл на волынке, а потом всё пропало, попадало куда-то вниз и перед глазами остался один только лес, иссиня-чёрный лес.

22. Ксения, много дней не мывшаяся, осунувшаяся, молча лежала на кровати и смотрела в потолок с разводами от недавнего потопа. Мать села к ней, попыталась обнять её, притянуть к себе, как младенца, как тогда это сделал Лёша. Ксения не сопротивлялась, но и не помогала, она вообще ничего не делала. Мать долго возилась, то роняла Ксению на диван как куклу, то пыталась обнять – не знала, с какой стороны подсесть. Наконец, после долгой возни всё же притянула её к себе, поцеловала несколько раз в щеку и сама заплакала.

МАТЬ: Ну что ты, зачем себя хоронишь? Ты вон какая молодая, красивая, у тебя в жизни столько будет всего. За муж выйдешь снова и детей родишь.

Тут мать замолчала, поняла, что сказала лишнее. Оглядела комнату.

МАТЬ: Ремонт вот надо сделать.

Но Ксения не отреагировала, она смотрела, не отрываясь, на hand-made календарь из настоящих листьев, который висел над кроватью. Там был тот же июнь.

23. Ксения сидела за столом на кухне и жадно-жадно ела тушёную капусту. Радостная мать подкладывала ещё.

МАТЬ: Ешь-ешь. Кушай. Потом ещё курочки потушу.

24. Потом Ксению долго рвало в туалете. Длинные её волосы падали прямо на кольцо унитаза. Мать стучалась к ней, но Ксения не открывала. Она приподнялась, достала резинку для волос из пластмассовой коробки на полке, завязала волосы. Подошла к раковине, посмотрела в зеркало на своё осунувшееся лицо и – улыбнулась.

КСЕНИЯ: Да, мам, всё хорошо у меня будет.

25. Ксения мылась в ванной, медленно, как будто она делала впервые, выжимала себе на руку шампунь, массировала голову, перебирала пряди. Взяла мочалку, выдавила на неё гель, осторожно принялась водить мочалкой по телу, погладила живот и пах. Потом медленно опустилась на колени и занесла над собой душ.

26. Ехала в метро. Поезд затормозил. Из вагона стали выходить люди. Рядом с Ксенией освободилось место, она внимательно посмотрела на него.

27. Прямоугольная лампа гудела особенным, больничным звуком. Ксения смотрела на неё и на пористый потолок, к которому лампа была приделана. Заклацали металлические инструменты, Ксения зажмурила глаза от боли и лежала так какое-то время. Наконец, врач-гинеколог отошла к раковине и сняла перчатки.

ВРАЧ: Можно одеваться.

Ксения слезла с кресла, одёрнула сарафан, села на кушетку.

ВРАЧ: Беременности нет. Не увидела.

КСЕНИЯ: Как нет?!

ВРАЧ: Не беременная. Вот и нет.

Врач села за стол и принялась заполнять карту.

КСЕНИЯ: А месячные?

ВРАЧ: Что месячные?

КСЕНИЯ: Задержка – три недели. И рвет.

ВРАЧ: Бывает. Стресс. Съела что-нибудь не то. Сходите к терапевту.

28. На кухне Ксения стащила большую подвесную тумбу и со всей силы швырнула её на пол. Лекарства, спреи, таблетки, тюбики, презервативы – посыпались на пол. Потом Ксения взяла телефон, позвонила креативному.

вались. Ксения подошла к пруду, села на берег. Рядом прошла тощая девица с перегидрольными волосами, подошла к кромке и вытащила одну из пяти пивных полуторалитровок, стоящих в воде.

30. Уже давно стемнело. Ксения шла по той же парковой аллее уже за руку с парнем. Он был высокий, светлый, короткостриженный, то ли накаченный, то ли начавший полнеть – и всем этим немного напоминал Ксениного брата. Они шагали в составе большой, пьяной компании, среди которой была та самая перегидрольная девица. Она отпила из пивной полуторолитровки и передала бутылку парню рядом с собой. Стали передавать по кругу. Ксения тоже отпила и засмеялась. Её спутник визгливо хохотнул и сжал рукой её зад.

31. Ксения лежала на траве в парке на постеленной на земле куртке. Парень двигался на ней быстро и отчаянно, как подросток. Она смотрела на тёмное, без единой звезды, небо.

32. Тум стояла на диване босая и сдираала обои в комнате Лёши и Ксении, сбрасывая их на пол.

ТУМ: Это хорошо, что она не на тебя упала... Ты какой цвет стен хочешь? Я говорила, или нет?! Я работа маляром. Целых 1,5 года, прикинь! Ты тут?!

КСЕНИЯ (прошептала): Нет.

Она сидела в ванной на крышке унитаза и ждала, когда

Тум свалит.

Тум спустилась с дивана на пол. Стала ползать по полу и собирать нарванные обои. Заметила под диваном крышку телефонного корпуса. Достала все его части, собрала телефон, включать не стала, просто положила его на стеллаж.

Ксения с отвращением посмотрела на себя в зеркало в ванной.

Тум вышла в коридор с мусорным пакетом. Увидела там Лёшин рюкзак. И сразу заплакала. Обулась, постучалась в дверь ванны.

ТУМ (стараясь говорить нормальным голосом): Ксюш, я побегу. Но приду ещё обязательно.

Ксения услышала звук хлопнувшей двери. Вышла из ванной. Увидела на стеллаже свой собранный телефон. Включила его. Тот сразу завибрировал и запищал. Телефон зазвонил. Ксения почему-то сняла трубку, заметила в коридоре рюкзак Лёши через арку двери.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (с таким обычно звонят из банков):
Ксения Александровна?

КСЕНИЯ (сразу ответила): Она умерла.

И положила трубку.

33. Снимала свою одежду с полок, прямо с вешалками кидала свитера, сарафаны, рубашки и блузки в чёрные мусорные пакеты. В коридоре – босоножки, кеды, шлёпанцы, плащ и куртка, тушь на зеркале, помаду, – утробовала в пакет. Потом наступил черёд её книг и дисков. Лёшины оставляла; всё своё складывала в мешки. В ванной сгребла все шампуни, прокладки, тампоны, крема, женские бритвы, свою зубную щётку – всё, что могла найти.

В комнате осмотрелась, кинула в один из пакетов свой мобильный. Вдруг увидела свой ноут на стеллаже. Взяла его, положила на пол, раскрыла. Принесла из кладовки молоток и ударила им несколько раз по экрану, по разъёмам и крышке.

Швырнула то, что осталось от компьютера в один из пакетов.

Потом взвалила несколько из них себе на спину и отнесла до мусорных баков.

Потом снова взвалила два или три и ушла на помойку, потом снова взвалила и спустилась по лестнице...

34. Ксения, как Лёша постриженная, одетая как Лёша, невероятно теперь на него похожая – шла широким Лёшиным шагом вдоль Чистопрудного бульвара, с Лёшиным же рюкзаком за плечами. У памятника Тургеневу толпа глазела на исполняющих музыку индейцев, или тех, кто под них косил. Музыка была экзотическая и явно напоминала о пустыне, ветре и свободе. Народ огибал музыкантов полу-

кругом, оставляя между собой и ними пустое пространство. В нём самозабвенно кружилась алкашка, её цветастая длинная юбка и надетая сверху спортивная футболка закручивались от движений.

Лёша-Ксения остановилась у ларька, купил самсу, сел на скамейку и стал жевать. К ней подседа запыхавшаяся и очень счастливая алкашка и, толком не отдышавшись, попросила денег. Лёша-Ксения отдала ей сдачу от самсы. Алкашка кивнула, моментально куда-то спрятала деньги и пошла танцевать дальше.

35. Вечером Лёша-Ксения сидела на полу, разбирая Лёшины книги и карты. Она снимала их со стеллажа, протягивая вверх руки. Потянула за что-то и несколько книг упали ей на голову.

ЛЁША-КСЕНИЯ (выругалась): Проклятье!

36. Тум припарковала свою старенькую иномарку во дворе Ксениного и Лёшиного дома. Она потёрла пирсинг на брови. Вылезла из машины, достала из багажника две банки с краской и вдруг застыла с ними в руках. Впереди по двору шёл будто бы Лёша, в руках у него был пакет с продуктами. Увидев его, перекрестилась ещё совсем нестарая соседка. За несколько метров до тумовской машины он свернул к своему подъезду и скрылся за дверью.

Тум выбежала из машины, очутилась у подъезда, бегом преодолела несколько лестничных пролётов и принялась

жать на звонок. Лёша-Ксения открыла дверь и улыбнулась.

ЛЁША-КСЕНИЯ: А, Тумыч, заходи! Кофе будешь?

Тум бросилась прочь вниз по лестнице.

37. Антон Степанович был пьян. Он смотрел исподлобья на Лёша-Ксению, чуть покачиваясь. В коридоре у Лёшиного учителя было темно и пыльно.

АНТОН СТЕПАНОВИЧ: Чего-чего?

ЛЁША-КСЕНИЯ (ответила спокойно): Мои тетради, с пешками? В зелёной папке. Не помните?

Антон Степанович схватил Ксению-Лёшу за ворот рубашки, рванул их вниз. Обнажилась затянута многими слоями бинтовой марли девичья грудь. Лёша-Ксения молчала, тяжело дыша.

АНТОН СТЕПАНОВИЧ: Пошла вон!

Антон Степанович вытолкнул Ксению-Лёшу за дверь.

38. Лёша-Ксения целый день гуляла по центру Москвы – Арбат, Замоскворечье, Тверской район, Китай-город... Смотрела на дома, памятники, сверялась с картой. Постояла у того самого дома в Толмачёвском перулке. Задавала вопросы прохожим, ментам – все они чаще всего жали плечами.

Потом ехала в метро и читала, сидя. На одной из станций в вагон вошла беременная девушка. Лёша-Ксения уступила ей место.

39. Лёша-Ксения проснулась утром в постели в Лёшиных обычных пижамных майке и штанах. В тех самых, в которых он бегал к соседям во время потопа. Лёша-Ксения приподнялась, почувствовала что-то странное, одернула с себя одеяло, посмотрела под себя и увидела кровавое пятно на простыне. Слезла с кровати, отошла, снова поглядела на пятно. Провела себе рукой себе ниже спины. Потом быстро сняла простыню и пошла с ней в ванную.

40. Через колонки из ноута звучала аудиокнига. Лёша-Ксения красила стену в коридоре тёмно-зелёным с помощью короткого валика. Мебель и полы были застланы газетами и целлофаном.

МУЖСКОЙ ГОЛОС ИЗ КОЛОНОК: *Семен был сейчас в одной рубашке, потому что не успел надеть штанов с тех пор, как проснулся. Он поглядел вверх, на отца, и сказал ему: – Давай я им буду матерью, больше никому. Отец ничего не сказал своему старшему сыну. Тогда Семен взял с табуретки материну платье, капот и надел его на себя через голову. Платье оказалось длинным, но Семен оправил его на себе и сказал: – Ничего, я его подрежу и подошью. Умершая мать была худая, поэтому платье на Семена пришлось бы впору, если б оно не было длинным. Отец смотрел*

на старшего сына, – «восьмой год уже ему», подумал он.

В дверь позвонили. Лёша-Ксения открыла дверь. На пороге стояла женщина лет 32, в сапогах на каблуках, в слишком обтягивающих её красных брюках, полосатой блузке и бежевом плаще. Женщина держала за руку мальчика лет 8 в кепке с надписью ЦСК.

МУЖСКОЙ ГОЛОС ИЗ КОЛОНОК ПРОДОЛЖАЛ: *Теперь, одетый в платье, с детским грустным лицом, Семен походил столько же на мальчика, сколько и на девочку, – одинаково.*

Гостя впихнула мальчика в квартиру, а сама зашла следом.

МУЖСКОЙ ГОЛОС ИЗ КОЛОНОК: *Если б он немного подрос, то его можно принять даже за девушку, а девушка – это все равно что женщина; это – почти мать.*

ЖЕНЩИНА: Это вот сын... Алексея Монахова. Так что вот... Ему жить негде. Это... Надо поговорить. С женой его. Вдовой в смысле. Она где?

ЛЁША-КСЕНИЯ: Не прислоняйтесь к стенам, тут всё покрашено.

МУЖСКОЙ ГОЛОС ИЗ КОЛОНОК: – *Захарка, ступай на двор, покатай в тележке Петьку с Нюшкой, чтоб они есть не просили, – сказал Семен в материнском капоте. – Я вас тогда позову. У нас дела много с отцом.*

Лёша-Ксения опустилась на колени, сняла с мальчика кепку, посмотрела ему в жёлто-карие глаза. Потом поднялась.

МУЖСКОЙ ГОЛОС ИЗ КОЛОНОК: – *Тебя ребята на улице девчонкой дразнить будут! – засмеялся Захар. – Ты дуручка теперь, а не мальчик!*

ЛЁША-КСЕНИЯ (уверенно): Это не мой.

И аккуратно вытолкнула женщину из квартиры. Посмотрела на мальчика, тот вышел сам. Лёша-Ксения закрыла дверь.

МУЖСКОЙ ГОЛОС ИЗ КОЛОНОК: *Семен взял веник и стал мести пол вокруг перины, где лежала мать. – Пускай дразнят, – ответил Семен Захарке, – им надоест дразнить, а я девочкой все равно привыкну быть... Ступай, не мешайся тут, бери детей в тележку, а то вот веником получишь!*

В подъезде женщина стукнула мальчика по кепке.

ЖЕНЩИНА: Ты чего молчал? Хоть бы улыбнулся!

41. Мать Ксении стояла посередине комнаты. У неё в ногах лежали пакеты из супермаркета. Она всматривалась в Лёши-Ксенино лицо долго, требовательно, как всматриваются обычно в темноту.

МАТЬ: А чего это у тебя с причёской случилось?

ЛЁША-КСЕНИЯ: Ничего.

МАТЬ: Постриглась? А чьи это штаны? Лёшины что ли?

Лёша-Ксения молчала.

МАТЬ: Меня всего-то не было...

Лёша-Ксения молчал.

МАТЬ: Ксюш!

ЛЁША: Она умерла.

МАТЬ: Кто?

ЛЁША: Ксения. Семь недель назад.

Мать постояла какое-то время, осматриваясь почему-то вокруг себя, будто ища и находя подтверждение только что услышанным словам. И действительно – книги, карты, велосипед, куртки и джинсы, кеды и кроссовки, дорожный компас 18 века, старый ноут – аккуратно заклеенный скотчем – вокруг были только Лёшины вещи. Мать взялась за голову и по-настоящему завывала.

42. Вечером Лёша-Ксения ползала с карандашом по разложенной на полу гигантской, в полкомнаты, карте Москвы и делала на ней отметки.

43. Тум вышла из машины. Закурила, посмотрела на Лёшин балкон. Взяла телефон, позвонила в ветеринарную клинику, чтобы уточнить время. Потом, не найдя урны, сложила бычок себе в задний карман джинс. Зашла, в подъезд, поднялась. Постояла немного на лестничной клетке, наконец, позвонила в дверь. Постояла, ещё позвонила, никто не открыл.

Лёша-Ксения тем временем с рюкзаком за спиной вышла из метро на Тверскую-Ямскую. Прошла мимо кафе и магазинов, остановилась перед грязно-белой дверью с несколькими звонками и табличками. Позвонила. Открыли. Следом вошла девушка в деловом костюме. В подъезде Лёша-Ксения назвала охраннику название фирмы.

Лёша-Ксения нажала на кнопку лифта, сзади стояла де-

вушка, у неё в руках был пакет с сэндвичами. Дверь лифта открылась. Лёша-Ксения пропустила девушку вперёд. Та улыбнулась. На пятом этаже Лёша-Ксения вышла, лифт с девушкой отправился вверх. Лёша-Ксения зашла в дверь с надписью «турагенство». За ресепшн из бежевого ДСП сидела рябая женщина в одежде, очень похожим на костюм стюардессы. Женщина улыбнулась и стала симпатичной. Лёша-Ксения улыбнулась ей в ответ.

ЛЁША-КСЕНИЯ: Здравствуйте, меня зовут Алексей Моныхов. Я на собеседование.

44. Лёша-Ксения сидела в метро и, как обычно, читала. Мимо по вагону проходила с тяжелыми пакетами из ИКЕА – та самая некрасивая курносовая с экскурсии. Вагон качнуло, курносовая взялась за поручень и заметила Лёша-Ксению. Курносовая остановилась, вернулась, села рядом с Лёша-Ксенией, поставила пакеты, и всмотрелась ей в лицо. Потёрла переносицу, снова всмотрелась, подхватила за ручку заваливающийся набок пакет. Лёша-Ксения не обратила на курноскую никакого внимания.

45. Лёша-Ксения подходила к своему подъезду, широким, радостным шагом. У неё было прекрасное настроение.

Вдруг её схватили за руки, заломили их сзади и тут же затолкнули в машину. У левой двери сидела Ксюшина мать. Лёша-Ксения пыталась вырваться, но ей крепко сцепили ру-

ки за спиной. Она оглянулся, это оказался Ксюшин брат. Он сопел и бурчал что-то вроде: «Тихо, млин, тихо»...

Лёша-Ксения осмотрелась – она был на заднем сиденье между матерью и братом. За рулём сидел отец, вцепившись руками в руль. Лёша-Ксения попыталась закричать, Ксюшин брат тут же закрыл ей рот ладонью. Лёша-Ксения издала отчаянный мык.

БРАТ: Мы поедem или стоять будем!?

МАТЬ: Ничего, Ксюшенька, мы не долго.

Отец завёл машину. Поехали. Лёша-Ксения мычала и дёргалась.

БРАТ: Мам, да помощи!

Мать вцепилась в руку Лёши-Ксении и заголосила.

МАТЬ: Ксюш, ты почему меня не жалеешь? Почему над нами так издеваешься?

БРАТ: Да она тебя не понимает! Чего ты с ней?!

46. Стояли в пробке. Мимо пробежал парень с листовками, Лёша-Ксения, увидев человека в потоке машин, приня-

лась снова дёргаться и скулить, будто этот парень мог как-то ей помочь.

БРАТ: Б...! Надо было у них сразу эту рубашку попросить... с руками...!

МАТЬ: Совсем с ума сошёл что ли?! Ксюш, успокойся, сейчас поедem.

Отец долго не мог открыть окно, кнопка не срабатывала. Он нервно жал и жал на одну и ту же кнопку. Наконец, окно поддалось, отец закурил.

Вдруг к машине, к его окну, прямо на шоссе подошла старушка в платочке и заговорила.

СТАРУШКА:

Мил-мил-мил – человек.
Милостиню калике подай,
Душу не прогадай.
Брат хохотнул и выругался.

СТАРУШКА (продолжала):

Калика-перехожая,
Не просто так прохожая.

Поток тронулся. Сзади засигналили. Старушка продолжила громче, перекрикивая сигналы.

СТАРУХА:

Калика – накалякана,
Где же душа запрятана?

Отец сам забибикал.

ОТЕЦ: Уйди!

МАТЬ: Женщина, да отойдите вы!

БРАТ: Да дайте ей денег!

Мать дрожащими руками вытащила из сумки кошелёк. Сначала полезла в монетное отделение. Потом перевернула кошелёк, достала сотню – чтобы наверняка, подалась телом вперёд и высунула руку в мужнино окно. Старуха будто не замечала протянутой купюры и продолжала.

СТАРУХА:

Мил-мил-мил человек,
Милостыню калике подай,

Душу не прогадай!

Позади выли сигналами.

МАТЬ: Уйдите! Мы сейчас вас задавим!

СТАРУХА:

Калика-многоликая,
Сердеччко великое.

Мать потянулась ещё сильнее вперёд и сторублёвка упала к старухиным ногам.

БРАТ: Да ты не поняла что ли?!

Он дёрнулся, выпустил Лёши-Ксенину голову, та резко и очень быстро ударила брата куда-то в лицо. Он взвыл и схватился за нос. Машины принялись объезжать их авто и всё ещё стоящую рядом с ним старуху.

МАТЬ: Ксюш!

ОТЕЦ: Вы что?! Совсем охренели?!

Лёша-Ксения перелезла через брата, открыла дверь, выбралась из машины и её тут же сбила с ног затормозившая

машина. Мать закричала. Дернулась к двери, но с её стороны сплошным косяком шли автомобили.

Брат вылез, покачиваясь и держась за нос, пошёл к поднимающейся на ноги Лёша-Ксении. Мать вылезла с его стороны следом. Хромая, Лёша-Ксения побежала от них к тротуару, пропуская или огибая машины. Ему оглушительно сигналили.

СТАРУХА (всё говорила): Мил-мил-мил человек....

47. Лёша-Ксения спала крепким, непробудным сном, лёжа на животе. В белой чистой футболке, под одеялом на надувном матрасе на полу. Тум лежала на кровати у стенки и испуганно смотрела в потолок. Потом она осторожно, стараясь не шуметь, повернулась на бок и посмотрела на Лёша-Ксению. Разглядывала его, разглядывала, потом улыбнулась, даже как будто беззвучно засмеялась и снова легла на спину.

48. В квартире Тума – Тум гладила утюгом свои «шофёрские», как она их называла, брюки. Лёша-Ксения рассматривала гугл-карты на ноуте Тум. На стол прыгнула Жора – огромная тумовская кошка женского пола. Лёша-Ксения погладила её.

ТУМ: Жора! А ну-ка! Вали-давай на кухню!... У тебя вроде на кошек аллергия?

ЛЁША-КСЕНИЯ: Никогда не было.

На столе заорал телефон.

ТУМ: Ксюш, подай мне телефон, сильвупле.

Лёша-Ксения не подняла головы от компа.

ТУМ: Ксень!

Лёша-Ксения кликнула мышью.

ТУМ: Лёш! Кинь в меня мобилой, пожалуйста.

Лёша-Ксения взяла телефон и сама принесла его Тум.

49. Тум и Лёша-Ксения азартно играли в парке, в другом, не в Лёшином, в бадминтон. Тум яростно отбивала и от неё воланчик летел очень высоко. Лёша-Ксения отбивала сбоку, как теннисист, это был Лёшин фирменный жест. Лёша-Ксения вскочила на скамейку, чтобы отбить тумовскую подачу, и чуть не свалилась оттуда. Они рассмеялись.

После игры купили кукурузы в палатке и лежали на траве, молчаливые, радостные и спокойные, ели. Кукуруза брызгала в разные стороны. Лёша-Ксения свободной рукой подкидывала воланчик в небо.

50. Лёша-Ксения, всё также широко, по-лёшиному, ступая, правда, теперь немного прихрамывая, вела толпу по Тверскому бульвару. Погода была хорошая, не нарочито солнечная. Остановились сразу после театра Пушкина. Несколько студентов, одна молодая пара с совсем маленькой девочкой, которую они туда-сюда тусовали друг другу. Традиционно – четыре пенсионерки, две молодые женщины лет по 35 – одна почему-то с цветами, видимо кто-то подарил. Студентки шептались между собой, идя прямо за Лёшей-Ксенией, явно обсуждая её.

Лёша-Ксения вдруг остановилась и молча посмотрел на вытянутый, жёлтый двухэтажный каменный дом. Потом показала рукой на одно из окон.

51. Толпа стояла вокруг Лёша-Ксении полукругом. Люди слушали, тихо, стараясь не шелохнуться. Мимо шли прохожие, огибая экскурсионную группу. Вдоль бульвара по дороге непрерывным, неплотным потоком ехали автомобили. Лёша-Ксения говорила напевно, спокойно, будто сама написала то, что говорит. Одна из студенток пыталась всмотреться в её лицо, некоторые смотрели сквозь – понимая, что не на этом человеке сейчас нужно концентрироваться. Женщина держала свою дочь на плече, качала её и смотрела куда-то мимо Тверского бульвара, Москвы и всего внешнего мира.

ЛЁША-КСЕНИЯ: «...на белой и нежной постели ты родила сына.

Было раннее утро, еще ночь. Весь мир еще спал, одна ты проснулась и глядела невидящими тихими глазами. И он лежал рядом с тобою, робко и испуганно прикинув к твоему белому истомленному телу.

И помню – как ослепительно сверкала твоя постель и как ты лежала в смертной усталости, вечная моя, обреченная мне кем-то, небом или солнцем, как я тебе обречен. Маша. Знаешь, как нет во мне страсти к тебе и есть только что-то другое. Будто я был нем, безмолвна была тысячелетия душа моя – и теперь она поет, поющая душа. Не страсть во мне, а песнь, а музыка души. Страшная сила скопилась во мне и предках моих за века ожидания любви, и вот теперь эта сила взорвалась во мне. Но песнь души – безмолвие. И я стал тише и сокровеннее и глубже.

Звезда и песня моя, судьба и невеста моя. Как много во мне для тебя не родившихся еще нежных голубых слов и песен. Но я заставлю о тебе петь не слова, а всю вселенную. Ради тебя зазвонят звезды и луна будет новым солнцем, чтобы светить твоему сыну синим пламенем в тихие летние ночи, когда земля вся будет в радости, игре и огне смеха. Говорю тебе не слова, ибо я поэт вселенной и буду делать с ней, что захочу. Она любит меня, потому что я ее сын.

Прощай, свет и новая спасенная вселенная, огонь и воскресение. Мы зачали иной лучший мир, выше небес и таинственнее звезд. Прощай, неизъяснимая, у меня любовь рвет сердце и душа стала бездной, где крутится вихрем пламя тос-

ки по тебе. Я знаю, что я бессмертен и перестрою вселенную ради тебя и во имя тебя. Света тебе хочу, светлая, как во мне все стало светом и верой. Андрей.»

Все молчали.

ВДРУГ ЖЕНЩИНА С ЦВЕТАМИ ПОЧЕМУ-ТО СКАЗАЛА: Меня тоже Машей зовут.

52. Лёша-Ксения варила кофе в турке по фирменному Лёшиному рецепту на той самой кухне, где тогда проходила вечеринка. Добавляла сахар, корицу. Соломин сидел за столом, облокотившись на него одной рукой. Полька была нарочито весела, как обычно деятельна, – стоя, резала пахлаву. Соломин тяжело и мрачно дышал от своей полноты и раздражения. Тум курила, как обычно, сидя на подоконнике, и выглядела так, будто она была во всём виновата.

СОЛОМИН: ... Про нас, например? Нет? Не дотукало до тебя, что у нас тоже души есть?

ПОЛЬКА: Соломина, а ты чего разорался на ночь глядя? Особенно про души?

Лёша-Ксения достала кофейные чашки из серванта. Она помнила, где они лежат. Разлила кофе. Протянула Тум, та покачала головой. Поставила тогда все три чашки перед Со-

ломиной и Полькой.

СОЛОМИН: Я...я с Монаховым с третьего класса дружил между прочим. Я чуть не свихнулся, когда он умер.

ЛЁША-КСЕНИЯ (сказала тихо): Да я живой. Кофе пей.
Соломин встал подошёл совсем близко к Лёша-Ксении, навис над ней и закричал очень страшно.

СОЛОМИН: Да ты совсем... долбанулась, да?!

ТУМ: Сань!

Полька подошла к Соломину, взяла его за локти, прижалась к его спине животом.

ПОЛЬКА: Тихо-тихо-тихо.

СОЛОМИН (Лёша-Ксении): Чего размолчалась-то?

Соломин «пошёл» на Лёша-Ксению, та принялся отступать к подоконнику. Тум потушила сигарету и быстро подошла к Соломину, пытаясь влезть между ним и Лёша-Ксенией.

ТУМ: Соломин, это ты, по-моему, долбанулся!

СОЛОМИН: А ты может спишь с ней? Ты же всегда хотела! Она тебе такая больше нравится?!

Тум отступила, подобрала свою сумку с пола и ушла из квартиры. Лёша-Ксения подошла к Соломину и ударила его в лицо. Тот не упал, но отшатнулся к подоконнику, посмотрел с ужасом и потёр скулу.

Лёша-Ксения забрала свой рюкзак и ушла вслед за Тумом. Полька села за стол и отпила из одной из чашек. Потом посмотрела на мужа и пододвинула чашку в его сторону, хотя на столе стояли ещё нетронутые две.

ПОЛЬКА: Попробуй. Это фирменный Монаховский кофе. Больше так никто не умеет.

53. Тум сидела в машине, на водительском месте. Курила. Лёша-Ксения сидела рядом. Ждали светофора. Но дороге никто не переходил, было уже слишком поздно или район оказался немногочисленным.

ТУМ: Ты знаешь, я на самом деле всё понимаю. Больше, чем ты думаешь. Но... Но, поверь мне, я знаю, что Лёше... Он бы не хотел... ему бы это очень не понравилось, что ты делаешь.

Лёша-Ксения взяла рюкзак, тот самый, с которым Лёша

ходил в лес, и вышла из машины. Тум не остановила её, загорелся зелёный для машин и она поехала.

54. Лёша-Ксения шла, чуть-чуть прихрамывая, по Крымскому мосту в сторону Октябрьской. Было темно, река лежала тёмным зеркалом. Прохожих почти не было, однако машины, ковыряя глаза фарами, мчались мимо. Навстречу Лёша-Ксении, шатаясь, из темноты вышла лет 18 девица на каблуках, покрашенная как кукла. Она встала, подошла к широкому бортику, отделяющему дорогу от тротуара, и легла на него. Одна из машин остановилась, из окна выглянул мужик, точнее, даже приоткрыл дверцу.

МУЖИК (с акцентом): Подвезти?

Лёша-Ксения подошла к лежащей и ответила водителю как бы от лица девицы.

ЛЁША-КСЕНИЯ: Не надо.

Лёша-Ксения увидела, что мужик был в машине не один. Водитель выругался матом по-русски, завёл тачку и уехал. Лёша-Ксения подняла девицу с бортика.

ЛЁША-КСЕНИЯ: Куда тебя? Ты знаешь, что метро уже не работает?

55. Лёша-Ксения спала на полу, дома у Маши, так звали девицу с Крымского моста. Спала на ковре, накрывшись Лёшиной курткой, прямо в одежде.

В туалете Маша встала с унитаза, вытерлась. Подошла к раковине, посмотрела на себя в зеркало. Оттуда смотрело совсем детское лицо, и Маше это явно не понравилось. Она показала сама себе в зеркало фак, пошла в комнату, на ходу снимая с себя трусы и лифчик. Голая, она принялась растёгивать Лёша-Ксении ширинку на джинсах, запихнула туда ладонь, потом вскочила и принялась пинать гостя ногами. Лёша-Ксения приподнялась и мало что соображая спросонья – посмотрела на Машу.

МАША (орала): А ну съе... ся отсюда! Пошёл, пошёл, извращенец!

Лёша-Ксения глядела на девицу снизу вверх, сидя на полу, устало, раздражительно и удивлённо, как смотрят родители на взбесившихся от свежего воздуха или дурной компании детей. Девица уже слабо пинала Лёша-Ксению ногой, на которой запутался её собственный лифчик. Лёша-Ксения сняла с её ступни намотавшийся лифчик и положила его в сторону. От неожиданности Маша перестала пинаться. Лёша-Ксения встала и протянула к Маше руку. Та не отстранилась. Лёша-Ксения погладила Машу по голове, как ребёнка.

ЛЁША-КСЕНИЯ: Иди спать.

Маша вдруг открыла шкаф, достала оттуда длинную футболку, надела её и забралась в кровать. Лёша-Ксения снова легла на пол, полежала немного, потом встала, надела куртку, взяла рюкзак и вышла из квартиры.

56. Через час бомбила остановил машину у той самой мусорки, куда Лёша и Ксения выбрасывали свой общий пакет. Лёша-Ксения расплатилась. Прошла по ночному тёмному двору, как они это делали вдвоём, прислонила магнитный ключ к датчику домофона, поднялась на третий этаж. Открыла дверь ключом и вошла в свою квартиру. Наткнулась на ботинки, только не на Ксенины кеды, а на заношенные мужские кроссовки. На кухне стол был заставлен жратвой, бутылками, открытыми банками, грязной посудой. В комнате, на разложенном диване, спали Ксенин брат и его жена. Рукодельного календаря над ними не было. Брат храпел, его жена спала тихо, отвернувшись к стене. С одной из ниш стеллажа были сброшены Лёшины книжки, на их месте стоял принесённый телевизор.

Лёша-Ксения села на стул и принялась смотреть на брата и его жену. Потом она оглядела комнату, подошла к книжному шкафу, достала кипу карт. Подобрала с пола холщёвую сумку, которую Ксения ещё лет пять назад привезла из Портороша с рекламного фестиваля – не досмотрела, не выбросила. Лёша-Ксения сложила туда карты, в последний раз по-

смотрела на свою квартиру и вышла.

В подъезде столкнулась с пьяным соседом, возвращающимся домой. Тот обнял её и пошёл выше.

57. Лёша-Ксения лежала и смотрел в потолок. Тот был очень близко, буквально в полметре от глаз. Потолок оказался обратной стороной ярусной кровати, будто в тюрьме или поезде, а на самом деле в номере хостела. Справа от Лёша-Ксении шуршали и шептали. На соседней секции кроватей парень залез к девушке на верхнюю полку, и вскарабкался на саму девушку. Он сопел и копошился. Девушка вроде не была против, только шептала с сильным южным выговором.

ДЕВУШКА: Щас обвалиться нафиг, Слав, что ты делаешь? Как, блин, платить будем? Слав! Давай на нижнюю. Ну Слааава!

Но Слава уже не мог ждать. Он начал двигаться. Повернул голову, его и Лёша-Ксенины глаза встретились. Парень по-звериному посмотрел на Лёша-Ксению, но потом отвернулся куда-то к стене. Девушка часто дышала. Лёша-Ксения неожиданно для себя сразу заснула.

58. Лёша-Ксения шла по Тверской-Ямской и остановилась перед грязно-белой дверью с несколькими звонками и табличками. Позвонила. Ей открыли. Лёша-Ксения зашла в подъезд, назвала охраннику название фирмы и попыталась

пройти через турникет, но тот горел только красным. Охранник сидел в своём аквариуме, не шелохнувшись. Не открывал. Лёша-Ксения посмотрела на него, открыла рот, как рыба, будто бы что-то пытаясь сказать, но смолчала.

Охранник позвонил по телефону, пообщался, слов не было слышно за аквариумом, потом протянул через маленькое окошечко Лёша-Ксении трубку. Лёша-Ксения постояла, послушала, передала охраннику трубку обратно. Охранник протянул Лёша-Ксении конверт из белой бумаги. Лёша-Ксения, не глядя, положила его в рюкзак, и вышла.

59. Тум выехала на Ленинский, нашла свободной рукой в мобильном Ксению, позвонила, ей сообщили, что аппарат абонента отключен. Тум отложила телефон, остановилась на светофоре, закурила, потом поехала, выбросила сигарету, снова взяла телефон, нашла там Монахова и позвонила.

61. Лёша-Ксения сидела в Макдональдсе и пила чай. Народу было полно, люди с подносами шныряли туда сюда, в поисках свободного места. Лёша-Ксения перелила чай в термос и ушла. Простой кнопочный Лёшин телефон остался жужжать на столике.

62. Рано утром Лёша-Ксения с большим рюкзаком со свёрнутой пенкой сошла с поезда на вокзале небольшого города. В здании вокзала изучила расписание пригородных электричек, потом ела жареные пирожки на перроне. Мимо прошла бабка с тележкой на колёсиках. Бабка посмотрела

на Лёша-Ксению и протянула ей вязаный берет с розовым цветком. Лёша-Ксения покачала головой.

БАБКА: Неужели и для любимой девочки не надо?

63. Было темно. Лёша-Ксенино лицо отражалось в окне электрички. Потом отражение исчезло и резко посветлело, потому что уже проехали туннель. Лёша-Ксения внимательно рассматривала карту в своих руках. Напротив сидела тётка с закрытой корзиной, оттуда периодически попискивало и мяукало. Больше никого в этом закутке сидений не было.

Внезапно появились парни. Крупные, в куртках с капюшонами. У одного было острое бледное лицо с чёрными волосами, второй был широкоскулый, бесцветный. Один сел рядом с Лёша-Ксенией, другой – с тёткой. Она положила руку на корзину и отвернулась в окно.

Тот, что напротив, передал этому, что был рядом с Лёшей, бутылку пива. Этот отпил, встретился с Лёша-Ксенией глазами и ей показалось, что она видит глаза быка: злобные и одновременно равнодушные.

Лёша-Ксения автоматически отвернулась к карте. Парень продолжал тяжело смотреть на Лёша-Ксению. Электричка стала притормаживать. Парень смотрел и смотрел на Лёша-Ксению, прямо в её висок, не отводя глаз. Внезапно Лёша-Ксения звонко, по-девичьи чихнула, и даже сама как будто смутилась от такого своего чиха.

Парень, вздрогнув, очнулся, словно от дрёмы, передал бу-

тылку второму, резко встал и пошёл в тамбур. Второй пошёл за ним.

В тамбуре первый стоял у двери, потом опустил рукав своей куртки, так, чтобы закрыть кулак, вдруг ударил им со всей своей силой, которую только успел скопить за свою 20-летнюю жизнь, в окно. Оно с жутким грохотом разбилось, посыпалось наружу и на пол тамбура. Лёша-Ксения подняла голову от карты, прислушалась, но почему-то посмотрела в другую сторону, туда, где уже вовсю темнел иссиня-чёрный лес.

Электричка остановилась, двери разъехались, парни вышли из вагона на полустанке. Двери снова закрылись, поезд поехал и в зияющую рваную дыру окна стала видна станция, яблоневые деревья, заброшенные бытовки, дачи и сами парни, идущие по перрону.

Мимо Лёша-Ксении по вагону прошагали друг за другом два мальчика лет 11. Один шёл позади другого. Тот, который оказался в тамбуре первым, увидел окно, вылез головой обратно в вагон и восторженно закричал отстающему.

МАЛЬЧИК: Иди сюда быстро, о... еть, что покажу!

И снова скрылся в тамбуре. Второй побежал к нему.

64. Лёша-Ксения шла с рюкзаком по просторному берёзовому лесу. Шла уверенным, размашистым шагом, так, как на экскурсиях по московским улицам. Уже совсем не хромала. На секунду, ей показалось, что за ней идёт курносая баба,

повернулась, и увидела её. Курносая – действительно – шла за ней шаг в шаг.

Лёша-Ксения прошла ещё немного, потом остановилась. Постояла, не шелохнувшись, посмотрела на курносую. Та тоже стояла и смотрела. Лёша-Ксения вдруг приблизилась к ней, ткнула её пальцем в щёку. Женщина на этот момент прикосновения закрыла глаза и недовольно скривила рот. Было ещё светло, но пасмурно. Лёша-Ксения быстро развернулась и пошла дальше. Курносая спешила сзади, стараясь держать дистанцию.

Лёша-Ксения спустилась в небольшой овраг, потом вскарабкалась наверх и вдруг остановилась и стала разглядывать карту. Курносая выбралась из оврага, подошла, заглянула Лёша-Ксении через плечо, и тоже стала рассматривать. Лёша-Ксения перевернула карту, посмотрела ещё раз внимательно на неё, потом вокруг. И шагнула от оврага направо. Курносая баба осталась стоять на месте, только рассеянно поглядела Лёша-Ксении вслед и прямо, на ту дорогу, куда Лёша-Ксения должна была пойти.

65. Берёзы пропали, сменились на орешник. Лёша-Ксения вдруг остановилась и прислушалась. Справа раздавались рваные звуки. Лёша-Ксения пошла на них. Всё отчётливей и отчетливей становилось слышно, что кто-то пел, точнее орал – невероятно дурно, фальшиво, с сильным акцентом, а главное – обречённо.

ЛЁША-КСЕНИЯ: В этих лесах раньше жила мещера, финно-угорское племя. Потом они растворились в древнерусской народности и теперь их совсем не отличишь. Я уже третий раз здесь. Через полчаса мы должны выйти к ЛЭП, а по ней – к деревне.

ДИМА: Я прочёл в инете, но не поверил, что если человек один остаётся – он может свихнуться. Теперь, блин, понял, что – правда.

Над Лёша-Ксенией и Димой принялось темнеть небо.

67. Лёша-Ксения сидела на коленях, составляя на мху озябшими руками две карты. Дима держал Лёшин фонарик над картами. Было почти совсем темно.

ДИМА: Ну что?

ЛЁША-КСЕНИЯ: Удивительно, что ты такое старье поешь.

68. Лёша-Ксения с Димой двигались по темному лесу. Фонарик не помогал, они отчаянно всматривались в пустоту.

ДИМА: Я больше не могу. Круто я упал, короче.

ЛЁША-КСЕНИЯ: Линия должна быть тут.

ДИМА: Нога – вообще.

ЛЁША-КСЕНИЯ: Надо ещё пройти, потерпи.

ДИМА: Да заблудились мы!

ЛЁША-КСЕНИЯ: Скоро выйдем к деревне.

ДИМА: Нога – вообще!

ЛЁША-КСЕНИЯ: Нет! Послушай...

Дима уселся на небольшой холм.

ЛЁША-КСЕНИЯ: Вставай! Надо двигаться! Пойдём!

Дима лёг на землю, растянулся на холмике.

ДИМА: Не могу больше! Я в инете читал, что вот такие возвышения – это древние могилы.

ЛЁША-КСЕНИЯ: Про переохлаждение слышал!? У меня спичек нет. Поднимайся! Вставай!

ДИМА: А чего Вы врёте?! Вы никогда тут не были! Вы сами не знаете, куда нам идти!

Лёша-Ксения вдруг села на землю и заплакала, закрыв лицо ладонями и согнувшись закорючкой.

ДИМА: Ну блин...

Лёша-Ксения растирала слёзы по лицу. Дима сел и выпрямился, придерживая ногу.

ЛЁША-КСЕНИЯ: Я не могу....Он не сможет. Не сможет нас вывести...

ДИМА: Кто?

ЛЁША-КСЕНИЯ: ...Потому что он умер. Упал... ветка проколола бедренную артерию...

69. Дима и Лёша-Ксения спали на возвышении в гуще наломанных веток под Лёшиной курткой, прижавшись друг к другу спинами. Лёша-Ксения открыла глаза, повернула голову и посмотрела вверх. Над ними простиралось глухое тёмное небо без звёзд.

70. Утром Дима ковылял впереди с картами и с Лёшиным компасом. Лёша-Ксения плелась сзади и напевала про себя. Моросил дождь.

ЛЁША-КСЕНИЯ (тихо напивая): Мана-манна-ох-манн-

на-охи! Хихи-хи-хи-хихи-хиппиня! Пинь-пинь-пинь-зинь-тинь-перевинь! Пере-кон, пере-лон, пере-вжик-перелук-перелю! Лю-лю-лю! Люб-ла-ла-лака, люблак-а-люблак!... Лалас-лас-ласооня-оооо-коласоня...

Начался ливень. Дима увидев, что карта промокает, содрал с себя номер, достал его из пакета, и сложил в него карту, а номер выбросил. Тот остался валяться в траве.

71. Лёша-Ксения, промокшая с ног до головы, зашла за невысокий куст, сняла штаны и села на корточки. Справа раздался шорох. Лёша-Ксения повернула голову. На неё сверху вниз смотрел седой человек в камуфляже и кепке.

72. Дом егеря был серый, из деревянных досок. В комнате стояло старое, с многочисленными чёрными пятнами зеркало, неожиданно большого размера, почти в полный рост. Рядом – на тумбе стоял ламповый телевизор, в котором отражалось окно, а в нём, в свою очередь, торчал двор с невысоким, редким забором. Во дворе – ворота, низкая лавочка, куца грядка, и верёвка – на которой сохла одежда Лёши и Димы.

Тут в телевизоре отразился мини-автобус, въехавший через ворота во двор. Из мини-автобуса выбрался лысеющий мужик лет 37 в беговых лосинах и куртке сверху, потом парень лет 25 с соломенными дредами и ярко-зелёном спортивном костюме, и женщина лет 40 в красной куртке. Женщина первой вбежала в дом. В соседней комнате раздалась возгласы, женский плач, Димин бубнёж. Мама Димы креп-

ко-крепко обнимала его, уткнувшись ему в плечо, гладила по голове резкими движениями. Он выглядел ёще младше, потому что был одет в егерскую куртку и брезентовые брюки не по размеру. Рядом топтались тренер и его помощник.

ТРЕНЕР: 32 километра от трассы, 10 от карты...

ПОМОЩНИК: Надо будет, блин, маршрут составить.

Дима попытался отстраниться от матери.

ДИМА: Mam, ну никто ж не умер...

Зашёл егерь в рубашке. Показал Диме его бумажный номер.

ЕГЕРЬ: Нужен?

Дима помотал головой. Егерь вышел во двор, сел на скамейку, разорвал его надвое, свернул номер трубочкой и насыпал в него табак.

В старом, с чёрными пятнами зеркале, отражалась женская фигура в длинном ситцевом, с большими жёлтыми цветами платье – с короткими рукавами – любимое платье покойной егерьской жены. Ксения смотрела на своё отражение в зеркале, трогала руками своё лицо, свои плечи, локти, гру-

ди, живот, пах... – как будто знакочилась с собой заново.

КОНЕЦ

Июль – сентябрь 2014, Москва

В сценарии использованы:

1. Сказка Алексея Ремизова «Ночь тёмная».
2. Рассказ Андрея Платонова «Семён».
3. Письмо Андрея Платонова жене Марии Кашинцевой, Воронеж, 1921 год.
4. Песня Курта Кобейна «Feels like teen spirit».

Гостья

Аня Рубцова

1. НАТ. ОЗЕРО. ДЕНЬ.

По озеру к острову-кладбищу плывет моторка. В моторке лежит гроб. Вокруг сидят деревенские – видны только их ноги. Почти все обуты в резиновые сапоги, забрызганные грязью, только у одной женщины на ногах – чистые черные лаковые туфли. Вдали, на другом берегу, играет гармонь, поет мужской голос – дед Илья (за кадром).

ДЕД ИЛЬЯ (фальшиво, нетрезвым голосом):

Плыл по городу запах сирени,
До чего ж ты была красива,
Я твои целовал колени,
И судьбе говорил спасибо!

Гроб трясется, его придерживает рукой ВОЛОДЯ (48) – небритый, одетый в телогрейку мужик с грустными глазами, явно пьющий. По виду Володи сложно понять, сколько ему лет – то ли сорок с небольшим, то ли уже за пятьдесят.

Лодка приближается к острову – деревенскому кладбищу. На острове – разрушенная церковь с куполом без креста, очертания могильных крестов. Песня обрывается, женские

голоса (за кадром) начинают ругать гармониста, но что они говорят, уже не разобрать.

2. НАТ. ОСТРОВ. КЛАДБИЩЕ. МОГИЛА НАТАЛЬИ. ДЕНЬ.

Накрапывает дождь. На влажной земле вокруг свежей могилы – следы от сапог и каблуков. Около могилы лежит деревянный крест, на нем табличка с именем «Наталья Соколова. Помним, скорбим», и датой смерти. Рядом лежит пластмассовый венок «От любящей сестры». Володя, один, заканчивает закапывать могилу. С трудом поднимает тяжелый крест, поскользывается, вместе с крестом падает в грязь. Володя, перепачканный в грязи, встает, поднимает крест, устанавливает на могиле.

3. НАТ. ДЕРЕВНЯ. УЛИЦА. У ДОМА ТАТЬЯНЫ. ДЕНЬ.

Ливень. Из дома Татьяны доносятся голоса, в окнах горит свет. Дом Татьяны разделен на две части. Большая, ухоженная часть – Татьянина. Вторая – пристройка, в два раза меньше, с облупившейся краской и наполовину заколоченным окном – Татьяниной сестры Натальи, теперь покойной, и ее гражданского мужа Володи.

4. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. ДОМ ТАТЬЯНЫ. ДЕНЬ.

За окном идет дождь. В комнате, где поминают Наталью, накрыт стол. На столе стоит фотография с черной траурной

лентой – большой портрет Натальи (45), в крупных золотых сережках. Рядом стоит рюмка водки, накрытая куском хлеба.

Гости – КОЛЬКА (30), МАРИНКА (25), ВОРОНЦОВ (37), ЖЕНА ВОРОНЦОВА (30), ПЕТРОВНА (65), ДЕД ИЛЬЯ (68) и другие ДЕРЕВЕНСКИЕ – сидят за столом, с поднятыми рюмками. Закуска на тарелках и самогон в бутылках уже заканчиваются. ТАТЬЯНА (50) – полная женщина с короткими бордовыми волосами, сильно залаченными, голубыми тенями на веках, и бордовой, в цвет волос, помадой – сидит во главе стола, на ногах у нее чистые черные лаковые туфли. Грязная обувь остальных гостей свалена в кучу у порога.

ВОРОНЦОВ: Наталья была хорошая баба! Но смерть, как говорится, стерва хитрая. Хороших к себе первыми забирает.

КОЛЬКА (обнимает Маринку за плечи): Вот поэтому моя до ста лет проживет!

Мужики усмеваются, понимающе кивают. Маринка, жена Кольки, злится для вида, поводит плечами, отталкивая мужа. Колька смеется.

ПЕТРОВНА (Кольке): Ты что мелешь, Емеля? Разве не знаешь, что один покойник второго приглашает, а потом они вдвоем за третьим идут.

Татьяна поднимает стакан. Деревенские тут же замолкают.

ТАТЬЯНА: Давайте помянем сестру мою, покойницу... (Не договаривает, начинает плакать навзрыд.) Собачья жизнь!..

Деревенские смотрят на Татьяну с сочувствием.

ВОРОНЦОВ: Татьяна Васильевна! Не рви душу.

ТАТЬЯНА (всхлипывает): Хорошая она была, никому плохого слова за всю жизнь не сказала... Так посмотрит на меня, бывало, вздохнет... И все молчит... (Успокаивается.) Ти-хушница.

Татьяна залпом выпивает рюмку. Деревенские, вслед за ней, тоже выпивают.

ТАТЬЯНА: Дед Илья, сыграй что-нибудь, душевное. Чтоб Наталья на небесах порадовалась.

ДЕД ИЛЬЯ (Торжественно встает. Ставит стул по центру комнаты. Садится. Начинает играть. Поет громко и фальшиво.):

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
Там, в краю далеком,
Буду тебе женой...

Володя тихо входит в дверь. Он весь мокрый, руки грязные, ноги без сапог, сверху штаны в грязи до колен (ниже были прикрыты сапогами).

Деревенские не обращают на него внимания.

ДЕД ИЛЬЯ:

Милая моя,
Взял бы я тебя,
Но там, в краю далеком,
Есть у меня жена...

Володя обходит деда Илью, садится на свободный стул за край стола, рядом с Маринкой.

Колька тянется за рюмкой, пачкая рукав в салате. Берет первую попавшуюся пустую рюмку, из которой уже кто-то пил. Колька вытирает рюмку об рукав, берет бутылку, наливает себе и Володе.

Бабы подхватывают песню.

БАБЫ:

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
Там, в краю далеком,
Буду тебе сестрой...

Колька толкает поющую Маринку, передает ей рюмку с водкой. Маринка передает рюмку Володе. Володя замечает золотые серьги у нее в ушах, такие же, как на фотографии Натальи. Володя пристально разглядывает Маринку.

КОЛЬКА (всем): За тетку Наталью!

Кольку никто не слушает.
Бабы и мужики поют хором.

ХОР гостей:

Милая моя,
Взял бы я тебя,
Но там, в краю далеком,
Есть у меня сестра...

Колька машет на всех рукой, поднимает рюмку.

КОЛЬКА: Ну, мир ее праху!

Колька залпом выпивает рюмку. Володя не пьет, смотрит то на портрет Натальи, то на серьги Маринки. Маринка замечает взгляд Володи, перестает петь, трогает серьги.

МАРИНКА: Тетка Наталья подарила. Маринка, говорит, ты мне вместо дочери. С себя сняла и вручила. Я – нет, ну что ты, тетка Наталья. А она – бери и носи. Ты девка молодая, должна наряжаться. А когда тебе твой алкаш что подарит?

КОЛЬКА (возмущенно, наливая себе рюмку водки): Вот городит. Тетка Наталья с тобой и двух слов за всю жизнь не сказала. (Выпивает рюмку.) В глаза твои бесстыжие смотреть не могла, ты ж как есть, шалава.

МАРИНКА: Заткнись, пьяная скотина. Ты что, свечку держал? Перед смертью, аккурат, подарила. В тот самый день.

КОЛЬКА: Спиздила, одним словом. Володька, я тебе говорю, она их спиздила. Шалава.

МАРИНКА: Ты бы так хером махал, как языком.

Колька резко бьет кулаком по столу. Тарелки звенят, бутылка опрокидывается, разливается по столу. Дед Илья перестает играть. Деревенские перестают петь, смотрят

на Кольку и Маринку. За столом наступает полная тишина. Маринка встает со стула, медленно пятится назад. Колька сидит за столом, смотрит перед собой немигающим взглядом. Рукой, не глядя, нащупывает неострый столовый нож. Маринка идет спиной вперед, запинаясь за стул деда Ильи. Задетая гармошка выдает протяжный звук. Маринка выбегает из избы. Колька вскакивает, со столовым ножом бежит за Маринкой.

МАРИНКА (за кадром, на улице): Люди, помогите! Убивает он меня!

Гости выбегают на улицу, там слышны звуки потасовки. Володя остается один за столом. Закрывает лицо грязными руками, проводит ладонями по лицу. На лице остаются грязные влажные разводы.

5. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. КОМНАТА НАТАЛЬИ. ДЕНЬ.

Володя рассматривает фотографии, висящие на стене в большой общей рамке – старые, черно-белые фото родственников. Рядом на стене выделяется квадрат не выцветшей краски – недавно там висела фотография Натальи.

ТАТЬЯНА (строго): Владимир, ты бы поторопился. Люди вот-вот приедут, а мне еще дом запирать.

Володя идет к шкафу с одеждой. Рядом, на кровати, лежит раскрытый чемодан. Володя достает из шкафа новую белую рубашку.

ТАТЬЯНА: Белая-то тебе зачем? На работу носить собрался?

Володя кладет рубашку на кровать рядом с чемоданом. Входит Петровна.

ПЕТРОВНА: Вы что, еще кровать до сих пор не вынесли? Господи твоя воля! (Садится на кровать.) Володька, вчера же тебе говорила, вынеси в курятник. И пусть петухи отпевают до сороковуста. А то, не дай ты, Господи, еще кто помрет на этой кровати...

Петровна и Татьяна наблюдают, как Володя достает из шкафа одежду и складывает в чемодан. Володя складывает только поношенные вещи, те, что выглядят прилично, убирает обратно в шкаф.

ПЕТРОВНА: Татьяна Васильевна, помнишь, Ефремиху, из Лыскова? Еще мужик к ней ходил одноногий. Цыган.

На улице слышны звуки мотора – приехала машина МЕНТОВ. Татьяна подходит к окну, выглядывает.

ПЕТРОВНА: Так вот, когда Ефремиха померла, царствие небесное... (Крестится.) Хоронить ее всей семьей приехали. Так Леха, сын Ефремихин, ума палата, тещу ночевать положил на материной кровати. Аккурат, где Ефремиха померла.

Из машины сигналият. Татьяна быстро выходит на улицу. Петровна смотрит ей вслед, но разговор не прерывает, обобщивается на Володю.

ПЕТРОВНА: На девятый день теща его преставилась, царствие небесное. (Крестится.) Так что, примета самая верная. Вот отпоеет кровать покойника Петя-петушок, и спите себе дальше, на здоровье.

Петровна подходит к окну, выглядывает. Видит, как Татьяна, на улице, здоровается с ментами.

ПЕТРОВНА: Повадились, как коты на сметану. (Садится обратно на кровать.) Ты, Володя, уходить-то как будешь, стакан на подоконник не забудь поставить. Натальина душа мимо дома пролетать будет, устанет, захочет воды напиться...

Володя достает из серванта стакан. В серванте – запечатанная упаковка с инсулином, одноразовые шприцы. Володя достает упаковку, разглядывает, ставит инсулин обратно

на полку.

ПЕТРОВНА: Ты как решил, после сороковуста в город поедешь? Ты ж рукастый, в городе не пропадешь... Может, и женишься там... Бобылем нельзя, Володя. Наталья померла, а ты живой. Значит, надо дальше жить, ничего не подделаешь.

Володя, со стаканом в руке, останавливается. Впервые смотрит на Петровну, в упор. Петровна испуганно замолкает. Володя наливает в стакан воду из раковины, ставит стакан на подоконник, открывает окно. С улицы слышны голоса Татьяны и ментов.

ТАТЬЯНА: Уходит уже. Сейчас, только дом запру, и вам все выдам.

МЕНТ: Ну, ты смотри, если что, сигналъ. Мы его быстро оформим.

Володя отходит от окна, закрывает чемодан, берет его с собой, выходит. В дверях встречает Татьяна, проходит мимо, не прощаясь.

ПЕТРОВНА (рассматривает белую рубашку на кровати): Хорошая. Хлопковая?

ТАТЬЯНА (перебирает в руках связку ключей): Забирай. Может, дед твой еще куда поносит.

Петровна берет рубашку, встает с кровати.

ПЕТРОВНА: Вот деду-то радость. Ладно, Татьяна Васильевна, пойду я. (Уходит.)

ТАТЬЯНА: Балаболка старая.

Татьяна заглядывает в шкаф, потом еще раз осматривает комнату. Закрывает окно. Выходит. Слышно, как она закрывает дверь на ключ.

6. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. ДОМ ТАТЬЯНЫ. ПОДВАЛ. ДЕНЬ.

Татьяна и мент спускаются в подвал. Там стоит самогонный аппарат, бутылки с самогоном в ящиках.

МЕНТ (достаёт из кармана мятые купюры, отдаёт Татьяне): Соболезную, Татьяна Васильевна. Такое горе – и аккурат на день рождения. Теперь каждый год – что не праздник, то поминки.

ТАТЬЯНА (пересчитывает деньги): Каждый в свой срок уходит.

МЕНТ (забирает ящик самогона): И то верно. Тут уж мы не в силах повлиять.

7. НАТ. ДЕРЕВНЯ. УЛИЦА У ДОМА ТАТЬЯНЫ. ДЕНЬ.

Менты грузят в машину ящик самогона. Садятся в машину. Машина уезжает.

8. НАТ. ДЕРЕВЕНСКАЯ УЛИЦА. ДОРОГА К ОЗЕРУ. ДЕНЬ.

Володя выходит из деревни, идет по дороге по направлению к озеру, везет ржавую тачку. В тачке лежат старый чемодан, ящик водки, продукты. Из окна своего дома, немного отдернув занавеску, за Володиёй наблюдает очень старая, сухая бабка.

9. НАТ. МАТЕРИК. БЕРЕГ ОЗЕРА. ДЕНЬ.

Володя подходит к берегу озера. На берегу пришвартована старая моторка с царапинами на корпусе, поодаль лежит перевернутая весельная лодка, еще более старая. На другом берегу виднеется кладбищенский остров. Володя кладет продукты, чемодан и тачку в моторку. Заводит мотор, уезжает к острову.

10. НАТ. ОСТРОВ. ДЕНЬ.

Володя везет тачку с продуктами по тропке к сторожке.

Проходит мимо сторожки, но там не останавливается. Катит тачку в сторону могил.

11. НАТ. ОСТРОВ. КЛАДБИЩЕ. МОГИЛА НАТАЛЬИ. ДЕНЬ.

Володя сидит на могиле Натальи. Рядом – распечатанный ящик водки, хлеб, открытая банка с килькой. Поодаль валяется тачка. Володя открывает бутылку водки, достает два стакана, наливает водку в стаканы. Один стакан ставит на крест Натальи, накрывает куском хлеба. Второй выпивает залпом. Володя смотрит на венок «От любящей сестры», наливает себе второй стакан.

12. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. ДОМ КОЛЬКИ И МАРИНКИ. НОЧЬ.

Колька храпит, развалившись «звездой» на кровати. Одну руку Колька небрежно набросил на Маринку. Маринка не спит, с трудом переворачивается лицом к мужу, кривит лицо от его перегарного дыхания. Маринка дует Кольке в ухо. Спящий Колька морщится. Маринка продолжает. Колька переворачивается на другой бок, освобождая Маринку из объятий. Маринка соскальзывает с кровати, встает. Скрипит половица. Маринка оглядывается на Кольку – он спит. Маринка, стараясь не скрипеть половицами, крадется к порогу. Успевает надеть один сапог, как вдруг на улице начинается играть гармонь – это Дед Илья (за кадром).

ДЕД ИЛЬЯ (фальшиво, громко):

Не ходи по коридору,
Не стучи калошами,
Все равно любить не буду,
Морда как у лошади

Маринка подскакивает от неожиданности, замирает с сапогом в руке. На улице начинают лаять собаки, слышатся ругательства. Колька просыпается, приподнимается на кровати.

КОЛЬКА (спросонья): Куда?

МАРИНКА: Куда-куда, огурцы прикрыть. Не слышишь, что ли, дед опять заголосил!

КОЛЬКА (снова проваливаясь в сон): Кирпичом привали.

13. НАТ. ДЕРЕВНЯ. УЛИЦА. У ДОМА ПЕТРОВНЫ.
НОЧЬ.

На небе – тонкий растущий месяц. Дед Илья, в трусах и кирзачах на босу ногу, играет на гармони – у него очередной приступ сумасшествия.

ДЕД ИЛЬЯ (фальшиво):

Приходи ко мне в субботу,
Приходи и в среду,
Ничего с собой не нужно,
Только шишку спереду...

Петровна, в сорочке и наброшенном сверху пуховом платке, выбегает на крыльцо. В руках у нее пластиковая бутылка, на которой маркером крупно написано «Свят. Вода»

ПЕТРОВНА: Господи твоя воля! Илюшенька, ты почто без порток?

ВОРОНЦОВ (высовывается из окна соседнего дома): Петровна, тебе подсобить?

Петровна начинает окроплять деда Илью из бутылки.

ПЕТРОВНА (обходит деда Илью с четырех сторон): Господи, благослови... Да я сама, Воронок... Свет ты истинный, Христос... Ты Иринке-то скажи, что огурцы прикрыть нужно... Царь небесный, Батюшка, Пресвятая Богородица... Раз про шишку запел, заморозок будет... Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь!

Дед Илья, намокая, постепенно успокаивается

14. НАТ. ДЕРЕВНЯ. ОГОРОД МАРИНКИ. НОЧЬ.

Маринка прикрывает огурцы полиэтиленом, на углы кладет кирпичи, чтобы не унесло ветром. Лезет в кусты малины у покосившегося забора. Достает оттуда пакет с туфлями на каблуке, коротким вульгарным платьем и косметикой. В темноте, подсвечивая лицо мобильным телефоном, ярко красит глаза и губы, переодевается. Вылезает в дыру в заборе. Крадется вдоль соседских домов, чтобы не заметили соседи.

Маринка видит, как Петровна в своем, соседнем, огороде прикрывает огурцы тем же способом.

15. НАТ. ОСТРОВ. КЛАДБИЩЕ. МОГИЛА НАТАЛЬИ. НОЧЬ.

Володя спит на земле, на могиле Натальи, укрывшись телогрейкой. Рядом валяются две бутылки водки – одна пустая, вторая полупустая. Начинает накрапывать дождь. Капли дождя капают в стакан Натальи.

16. НАТ. ДЕРЕВНЯ. ОГОРОД МАРИНКИ. НОЧЬ

Идет дождь. Сильный порыв ветра срывает полиэтилен с огурцов.

17. НАТ. ТРАССА. ОСТАНОВКА. НОЧЬ.

Ливень. Промокшая Маринка прячется на остановке. Слышен звук приближающейся машины. Маринка выбегает с остановки, голосует. Машина проезжает мимо, окатив Ма-

ринку брызгами. Проезжает еще одна машина, останавливается. Маринка подбегает к машине, о чем-то договаривается с водителем. Залезает в салон.

18. ИНТ. САЛОН МАШИНЫ. НОЧЬ.

Маринка и водитель занимаются сексом. По радио звучит песня.

ПЕСНЯ:

Одинокому мужчине и не надо многого —
Лишь бы в душу лишний раз к нему никто не лез.

Маринка картинно стонет, но более увлечена осмотром салона машины – к стеклу прикреплены маленькие иконки, висячая плюшевая игрушка на пружинке подскакивает в такт движениям. Водитель заканчивает, Маринка слезает с него. Водитель лезет в кошелек, торопливо сует Маринке деньги, она кладет их в лифчик.

ДИКТОР ПО РАДИО: Дорожное радио. Всем одиноким мужчинам посвящается.

19. НАТ. ОСТРОВ. ОЗЕРО. НОЧЬ.

На острове – гроза и сильный ветер. Деревья гнутся к земле.

20. НАТ. ОСТРОВ. КЛАДБИЩЕ. МОГИЛА НАТАЛЬИ. НОЧЬ.

Володя пытается закрепить крест на могиле Натальи кольцами и веревкой к земле, чтобы не унесло ветром. Володя хватает бутылку с остатками водки, прикрывая голову телогрейкой, бежит в сторожку.

21. ИНТ. ОСТРОВ. СТОРОЖКА. НОЧЬ.

Володя прячется в сторожке. Наливает в чашку водку. Выпивает залпом. Сторожку потряхивает. Входная дверь хлопает, от сильного порыва ветра открывается настежь. Володя с трудом закрывает дверь на засов. Ложится на койку. На улице гремит гром. В окне мелькает молния, потом еще одна, гораздо ярче. Володя щурится от вспышки. Комнату заливают свет, потом резко гаснет. У стола появляется молодая и очень красивая незнакомка – НАТАША (20) – не по погоде одетая в летнее платье и белые босоножки, насквозь промокшая. Дверь по-прежнему закрыта изнутри, на засов.

Володя трет глаза. Вокруг его головы кружит жужжащая муха. Володя отмахивается, задевает муху рукой. Муха улетает к столу, кружит над чашкой с остатками водки.

Незнакомка берет чашку, принахивается к водке. Потом принахивается к Володе. Володя наливает водку в чашку, хочет угостить девушку. Жужжащая муха возвращает-

ся, кружит между Володей и незнакомкой. Девушка дважды хлопает в ладоши. Муха перестает жужжать. Володя садится на кровать, с бутылкой водки в руке. Поднимает бутылку, выпивает из горла. Незнакомка неуверенно повторяет за ним – садится на кровать, выпивает водку из чашки. Морщится, выплевывает водку. Володя с укоризной смотрит на девушку, выпивает еще.

22. ИНТ. ОСТРОВ. СТОРОЖКА. ДЕНЬ.

Володя просыпается на койке, у него тяжелое похмелье. Оглядывается по сторонам. В сторожке, кроме него – никого. Он слышит тихий гул, кружку на столе немного потряхивает. Володя, пошатываясь, выходит на улицу.

23. НАТ. ОСТРОВ. У СТОРОЖКИ. ДЕНЬ.

На улице – прекрасная, солнечная погода. Володя пытается прочистить уши, но гул остается. Володя, пошатываясь, идет по тропке в сторону кладбища.

24. НАТ. ОСТРОВ. КЛАДБИЩЕ. МОГИЛА НАТАЛЬИ. ДЕНЬ.

Володя осматривает могилу Натальи. С крестом после бури ничего не случилось. Ящик водки и остатки закуски разбросаны рядом с могилой. Венок «От любящей сестры» улетел в овраг. Володя достает колышки, отвязывает веревки. Оттирает с таблички грязные разводы. Убирает остатки за-

куски в пакет, находит один из стаканов. Достает из ящика бутылку водки, наливает стакан, ставит стакан рядом с крестом Натальи. Володя выпивает водки из горла, початую бутылку кладет в карман телогрейки. Идет к оврагу, в котором валяется венок. Проходит мимо одной из могил, останавливается. Могила старая и запущенная, вокруг все поросло сорняками. Памятник наполовину разрушен, на земле валяется потемневшая фотография. Володя поднимает фотографию – девушка на ней как две капли воды похожа на незнакомку, которая вчера появилась в сторожке. Володя с недоумением рассматривает фотографию, кладет в карман телогрейки. Потом лезет за венком, поскользывается, падает в овраг.

25. НАТ. ОСТРОВ. КЛАДБИЩЕ. ОВРАГ. ДЕНЬ.

Володя лежит в овраге. Пытается встать, но ничего не получается. Над ним кружит назойливо жужжащая муха, пытается сесть ему на лоб. Володя видит, что это вовсе не муха, а маленький металлический шарик. Он отгоняет шарик от своего лица.

Неожиданно в овраг заглядывает незнакомка, в том же летнем платье и босоножках, как на фотографии с могилы. Володя испуганно пытается отползти в сторону, крестится слева направо, потом, вспомнив, что путается, быстро переkreщивается справа налево.

Незнакомка спускается в овраг, наклоняется над Воло-

дей, один раз хлопает в ладоши. Металлический шарик резко приземляется на лоб Володи. Из шарика высовываются три ножки-крепления. Шарик крепится ко лбу Володи и начинает мигать красным светом. Володя теряет сознание.

26. НАТ. ОСТРОВ. ОЗЕРО. ДЕНЬ.

Володя приходит в себя в абсолютной тишине – он лежит на воде озера. На лбу у него красная круглая отметина от шарика, похожая на небольшой ожог. Володя от неожиданности начинает барахтаться, погружается под воду, но оказывается, что он на мелководье.

Володя встает, шатаясь, делает шаг в сторону берега, но наталкивается на невидимую стену. Он поднимает руку, щупает стену, ничего не понимает. Идет в другую сторону, снова натывается на невидимую стену. Володя в панике бьет в невидимые стены руками. От ударов раздается резкий гул. Володя мечется в замкнутом прозрачном пространстве, как в ловушке.

Неожиданно незнакомка оказывается рядом, проводит руками манипуляции, как будто отодвигает невидимую дверь, протягивает Володе руки. Испуганный Володя отталкивает девушку, бежит к берегу.

27. НАТ. ОСТРОВ. БЕРЕГ ОЗЕРА. ДЕНЬ.

Володя садится на землю, тяжело дыша. Смотрит на озеро – за ним никто не гонится, никакой девушки нет, во-

круг обычный пейзаж. Володя нащупывает в кармане чудом сохранившуюся початую бутылку водки, открывает, делает глоток. Тут же выплевывает. Растерянно смотрит на бутылку водки, нюхает, морщится. Аккуратно отпивает из бутылки маленький глоток. Плюется. Замечает недалеко от себя ящик водки, начинает перебирать одну бутылку за другой, все они пустые. На дне пары бутылок осталось несколько капель. ВОЛОДЯ какает капли на язык, сплевывает, кривит лицо от отвращения.

ВОЛОДЯ: Эй! Ты что наделала? Как же это?! Гадина, тварь. (Хватает одну из пустых бутылок, размахивает.) Эй, выходи! Я тебя не боюсь! (Подходит к кромке воды, но в воду вступить не решается.) Ну, ну! Что, страшно стало? Прячешься? Правильно. (Швыряет бутылку в озеро.) Найду – убью. (Видит у берега моторку.) Ты отсюда никуда не денешься, слышишь? Вражеская морда.

Володя залезает в лодку, заводит мотор.

28. НАТ. ОСТРОВ. ОЗЕРО. ДЕНЬ.

Володя едет на таран – туда, где только что сидел в невидимом пространстве. Вот-вот должно произойти столкновение. На пути лодки возникает незнакомка, протягивает руки навстречу моторке. Пытаясь ее остановить. Володя пытается уйти от столкновения, но врезается в девушку. Она отлетает в сторону. От столкновения с невидимой стеной нос

лодки корежит и царапает. По озеру снова разносится гул, по воде идет рябь, пространство невидимой стены на мгновение искривляется. Мотор лодки глохнет. Володя заглядывает за бортик лодки. Девушка лежит на воде, лицом вниз, как резиновая кукла. Володя подцепляет ее багром, втаскивает в лодку. Видимых повреждений у нее нет.

ВОЛОДЯ: Эй! Ты живая?

Незнакомка открывает глаза, немигающим взглядом смотрит на Володю.

НАТАША (без эмоций): Авария. Кушать. Помоги.

29. ИНТ. ОСТРОВ. СТОРОЖКА. УТРО.

Наташа сидит за столом, доедает банку консервов. На столе уже стоит несколько пустых банок. Володя сидит рядом, удивленно наблюдает.

ВОЛОДЯ: Я испугался до зеленых чертей. Думал, все – пришиб девку. Еще и водка на вкус – как ослиная моча. Не то что бы я пробовал... Но мне интересно очень, как ты это сделала?

НАТАША (с набитым ртом): Сделала.

ВОЛОДЯ: Так ты, получается, из этих?

НАТАША (с набитым ртом): Из. Этих.

ВОЛОДЯ: Гипнотизерка, значит. Так вы это, получается, теперь прямо по деревьям со своим гипнозом ездите, и без договора кодируете? Учти, у меня денег нет.

Наташа доедает консервы. Володя ставит на стол котелок с вареной картошкой. Наташа достает неочищенную картофелину, пытается положить ее в рот, целиком.

ВОЛОДЯ: Да не так! (Берет картофелину, очищает, протягивает Наташе.) Ты откуда свалилась, с голодного острова?

НАТАША (запихивает целую картофелину в рот, неразборчиво): Система. Шестнадцать. Девятнадцать.

ВОЛОДЯ: Чего?

НАТАША (повторяя движения Володи, очищает картофелину, снова целиком запихивает в рот): Система. Шестнадцать. Девятнадцать.

ВОЛОДЯ: Система, говоришь? А ты эту систему обратно раскодировать сможешь?

НАТАША: Времени. Мало.

Наташа резко встает из-за стола, выходит из сторожки. Володя, поразмыслив пару секунд, идет вслед за Наташей на улицу.

30. НАТ. ОСТРОВ. ОЗЕРО. ДЕНЬ.

На берегу Наташа протягивает Володе початую бутылку водки.

НАТАША: Еще.

Володя берет бутылку, нюхает, морщится.

ВОЛОДЯ: Блок мощный. Аж смотреть тошно. А пить – тем более.

Володя выливает водку на землю. Наташа перехватывает его руку.

ВОЛОДЯ: Ай! Ты что делаешь? Ты ж сама на мой алкоголизм блок поставила!

НАТАША: Еще.

ВОЛОДЯ: Ну, что ты заладила, еще-еще. Где я тебе здесь возьму еще? Магазин – в деревне. Сходим, купим.

НАТАША (берет Володю за руку, тащит к озеру): Времени. Мало. Дыра.

ВОЛОДЯ (вырывает руку): Какая, на хрен, дыра?! Где? В моторке?

НАТАША (показывает рукой на озеро): Аппарат. Я. Упала. Авария.

ВОЛОДЯ: Упала? Куда упала?

НАТАША (показывает рукой на небо): Там.

Володя непонимающе смотрит на небо. Внезапно его поражает догадка.

ВОЛОДЯ: Не может быть! Так ты чего? (Показывает пальцем вверх.) Из космоса?!

НАТАША: Система. Шестнадцать. Девятнадцать.

ВОЛОДЯ: Йоперный театр! (Ходит туда-сюда по берегу озера.) Так это, получается, тебя ракетой сбили?! Наши?! Или американцы? Хотя, если бы американцы, они бы тут же шпионов своих заслали, и те бы здесь быстро все подчисти-

ли. (С гордостью.) Значит – наши. (Спохватываясь, испуганно.) Так это... тебе бежать надо! Немедленно!

НАТАША: Немедленно. Полнолуние. Взлет.

ВОЛОДЯ: В лес. Я еще давно в «Науке и технике» читал, что наши над вашими эксперименты разводят. Разрезают, вынимают, вставляют и всякое такое. Жуть. Вот, возьми. (Накидывает девушке на плечи свою телогрейку.) У нас ночи холодные. Я тебе картошки положу. У меня в сторожке целый мешок. Я никому ничего не скажу. Не бойся.

НАТАША: Полнолуние. Взлет. Времени. Мало. (Берет бутылку водки, показывает Володе.) Топливо.

ВОЛОДЯ: Так вы что, корабли свои водкой топите? Во, чудеса! (С сомнением.) Наши, конечно, этому тоже не обрадуются...

НАТАША (тянет Володю за руку, к моторке): Времени. Мало. Полнолуние. Взлет.

ВОЛОДЯ (идет за девушкой): Полнолуние... Взлет... Чудеса! Народу, конечно, об этом знать не нужно. Лучше, вообще, молчи. Я сам все скажу.

31. НАТ. ДЕРЕВЕНСКАЯ УЛИЦА. ДЕНЬ.

Володя и Наташа идут по деревенской улице. Белые бо-соножки девушки утопают в дорожной грязи. Над головой у нее летает металлический шарик. Наташа оглядывается по сторонам, достает из нагрудного кармана платья черную коробочку, похожую на фотоаппарат, начинает щелкать все вокруг.

ВОЛОДЯ: Что за инструмент?

НАТАША: Фиксатор.

ВОЛОДЯ: Фотокарточки, что ли, делать? Ты смотри, по-осторожней. Если его где разберут и посмотрят – это ж пря-мая улика.

Из-за забора выглядывает бабка.

ВОЛОДЯ: Здравствуйте!

1-я БАБКА: Здравствуйте!

Володя и Наташа проходят мимо забора. Бабка присталь-но смотрит им вслед. Окно одного из деревенских домов от-крывается. Выглядывает другая бабка.

ВОЛОДЯ: Здравствуйте!

2-Я БАБКА: Здравствуйте!

Бабка так же пристально смотрит вслед Володе и Наташе. По улице навстречу им идет Петровна. Увидев Володю, останавливается.

Наташа (безэмоциональным голосом, повторяя мимику Володи): Здравствуйте!

ПЕТРОВНА (удивленно рассматривает Наташу): Здравствуйте! (Володе.) Здравствуй, Владимир! А вы, никак, до магазина собрались? Маринка вот только открыла. Вчера, видно, знатно погуляла. И гроза ей не помеха. Бесстыжая!

Наташа очень внимательно смотрит на Петровну, одними губами повторяет ее артикуляцию. Петровна видит это, но старается не обращать внимания. Володя тоже делает вид, что ничего странного не замечает. Наташа щелкает Петровну на «фиксатор».

ПЕТРОВНА: Ой, зачем это? (Поправляет на голове платок.)

ВОЛОДЯ: Это племянница моя. Из города. На похороны приехала, ненадолго. (Подумав.) Наташей звать.

ПЕТРОВНА: Красивая племянница у тебя, Владимир. От женихов, наверно, отбоя нет. (Наташе.) Или вы уже замужем? Простите старую, не знаю, что и несую.

ВОЛОДЯ: Не замужем.

Металлический шарик подлетает к голове Петровны, делает один круг. Петровна отмахивается от шарика, как от мухи. Шарик возвращается к Наташе.

ПЕТРОВНА: Как же вы живете, вдвоем, в одной сторожке? Неудобно, наверно. Может, Татьяну попросишь, пустит она тебя в дом пожить, на недельку, по старой памяти. Все ж таки сожитель ты был сестре ейной. Можно сказать, почти одна семья.

ВОЛОДЯ (машет рукой): Да мы уж сами как-нибудь. Чего людей зазря беспокоить?

К Наташе подходит кошка, начинает тереться о ноги девушки. Наташа щелкает кошку на фиксатор. К девушке подходит еще одна кошка, мурлычет.

ПЕТРОВНА: Тоже верно. В тесноте, да не в обиде. Тем более, Татьяна с утра пораньше в город умотала. К Женьке.

Снова он забыл. Татьяна дом собралась достраивать, слышал? На Натальином участке. (Володя оглядывается на дом Татьяны.) Уже и подрядчика пригласила. Вот так, Владимир.

ВОЛОДЯ: Пойдем мы, Валентина Петровна. А то, племянница моя не по погоде одета. Еще чего застудит.

ПЕТРОВНА: Ну, будьте здоровы. Все ж таки, вдвоем жить повеселее.

Володя и Наташа уходят. Петровна и кошки смотрят им вслед.

ПЕТРОВНА (кошкам): Брысь, брысь!

32. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. МАГАЗИН. ДЕНЬ.

Маринка ставит перед Володи на прилавок несколько бутылок водки, консервы. Вид у Маринки потрепанный. Наташа ходит по магазину, щелкает товары на «фиксатор».

МАРИНКА (Володе, смотря на Наташу): Еще что-то брать будешь?

Наташа рассматривает конфеты «Трюфели» в незакрытой витрине. Берет одну конфету, разворачивает обертку, нюхает.

МАРИНКА (Наташе, с раздражением): Девушка, это то-вар. Это трогать нельзя. Если вы не покупаете.

Наташа без эмоций смотрит на Маринку.

ВОЛОДЯ (Маринке): Отвесь кило. (Оправдываясь.) Пле-мянница моя. Из города.

Маринка идет к коробке с конфетами. Насыпает конфеты в пакет. Наташа внимательно наблюдает за каждым движе-нием Маринки, щелкает «фиксатором».

МАРИНКА (взвешивает конфеты на весах): Кило сто. Бе-решь?

ВОЛОДЯ: Давай. (Наклоняется к Маринке, шепотом, просит.) Марин, ты бы отдала сережки-то Натальины.

Металлический шарик делает круг над головой Маринки, возвращается к Наташе.

МАРИНКА (начинает кипятиться, громко): Что же это я их буду отдавать, если мне тетка сама их подарила...

В магазин забегают Петровна, прерывает Маринку.

ПЕТРОВНА (запыхавшись): Ой, Маринка! Ой, что делается! Там твой! С ружьем!

На лестнице раздается грохот. Маринка пугается, мечется за прилавком. В магазин вваливается пьяный Колька с ружьем.

КОЛЬКА: Что, шалава, нагулялась! Убью, тварь!

Маринка и Петровна визжат. Наташа внимательно наблюдает за ссорой, щелкает «фиксатором». Металлический шарик летает над головой Кольки. Колька поднимает ружье. Володя бросается к Кольке, удерживает его от выстрела. Маринка и Петровна выбегают из магазина. Колька отталкивает Володю, взводит курок, снова собирается стрелять. Наташа встает между Колькой и Володей, хлопает в ладоши один раз. Металлический шарик приземляется на лоб Кольки, выпускает ножки, начинает мигать красным светом.

КОЛЬКА (прикасается ко лбу): Ой, чой-то?

Колька замирает на полуслове, впадает в транс и не шевелится. Володя дергает Кольку за плечо, пробует растормошить, ничего не получается.

ВОЛОДЯ (Наташе): Ты что наделала? Сейчас здесь вся

деревня соберется. Куда мы его спрячем? Тебя ж рассекретят! И меня вместе с тобой.

НАТАША: Повышенная. Концентрация. Топлива. Капсула. Срочно.

ВОЛОДЯ (осторожно трогает красную лампочку на лбу Кольки): Блин. И как мы его теперь в эту твою капсулу отправим, если он не шевелится?

33. НАТ. ДЕРЕВНЯ. ЗАДНЯЯ ДВЕРЬ МАГАЗИНА. ДЕНЬ.

Наташа стоит у задней двери магазина, придерживая дверь. Володя с трудом вытаскивает обездвиженного Кольку. Володя и Наташа грузят тело в тачку, прикрывают Володиной телогрейкой. Володя оглядывается по сторонам – во круг никого. Он обкладывает телогрейку сверху консервами и бутылками.

34. НАТ. ДОРОГА К ОЗЕРУ. ДЕНЬ.

Володя везет тачку по дороге к озеру. Из тачки торчит Колькин сапог. Володя прикрывает сапог Кольки телогрейкой. Наташа идет рядом, ест конфеты. За ней бежит кошка. Володя шикает на кошку, кошка убегает.

35. НАТ. ОСТРОВ. ОЗЕРО. ДЕНЬ.

Колька, без движения, на спине, лежит на воде озера, в невидимой капсуле. По прозрачным стенам капсулы проходят белые электрические разряды. Тело Кольки иногда подергивается.

36. НАТ. ОСТРОВ. БЕРЕГ ОЗЕРА. ДЕНЬ.

Наташа и Володя сидят на берегу озера. ВОЛОДЯ рассматривает капсулу, видит, как по капсуле перестают проходить электрические разряды. Колька приходит в себя, задыхается, барахтается в воде. Володя бежит к нему.

37. НАТ. ОСТРОВ. ОЗЕРО. ДЕНЬ.

Володя пытается открыть капсулу и освободить Кольку. Колька, с красной круглой отметиной на лбу, стоит на коленях, рыдает и что-то ищет в воде. Наташа открывает дверь капсулы. Колька выпадает наружу, на руки Володи.

КОЛЬКА (рыдая): Прости, прости. Наталья твоя... Мы это, мы...

Колька теряет сознание.

38. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. ДОМ КОЛЬКИ И МАРИНКИ. ДЕНЬ.

Колька, шатаясь, заходит в избу. Маринка моет посуду в тазу.

МАРИНКА (оглядывается): Явился?

Колька ничего не отвечает, проходит мимо Маринки в спальню, не закрывает дверь, ложится на кровать. Маринка идет за ним.

МАРИНКА (на пороге спальни): Что, нажрался так, что ноги не держат? Скотина! Перед всей деревней меня позоришь!

Колька молчит, поджимает под себя коленки, дрожит, стучит зубами.

МАРИНКА (встревожено): Коленька, ты что? Это что такое, ударил кто? (Трогает отметину на лбу Кольки, принюхивается.) Да ты трезвехонек! погоди, сейчас, сейчас.

Маринка убегает на кухню, гремит ящиками, звенит посудой – что-то ищет. Маринка возвращается со стаканом водки.

МАРИНКА: На, похмелись. (Протягивает Кольке стакан.)

Маринка поит Кольку. Он захлебывается, отмахивается, неловким движением руки выбивает стакан из рук Маринки. Стакан падает и разбивается.

КОЛЬКА (отчаянно): Не могу! Не могу! Отравя это. Убери с глаз долой. Все.

МАРИНКА (неуверенно): И заначку?

КОЛЬКА (в ярости, приподнимается на кровати): Все, я сказал!

Колька отворачивается к стене, накрывается с головой одеялом.

39. НАТ. ДЕРЕВНЯ. У ДОМА ТАТЬЯНЫ. ДЕНЬ.

Воронцов подходит к крыльцу Татьяны. Мужики робко стоят за калиткой. Воронцов стучит в дверь. Татьяна выходит.

ТАТЬЯНА: Чего вам?

ВОРОНЦОВ: Известно, чего, Татьяна Васильевна. Того самого.

ТАТЬЯНА: Долг принес?

ВОРОНЦОВ: Татьяна Васильевна, тут такое дело. С заказами у нас простой...

ТАТЬЯНА: Я вам что, благотворительный фонд?

Татьяна собирается уйти обратно в дом. Воронцов придерживает дверь.

ТАТЬЯНА (грозно): Обалдел?

ВОРОНЦОВ (опускает руку): Татьяна Васильевна, не сердись. Войди в наше положение. Душа болит. Надо прижечь. Мы в долгу не останемся. Ты дом достраивать собралась, так мы тебе досок с пилорамы припррем.

ТАТЬЯНА: На хрена мне ваши доски? (Подумав.) Так и быть. Только вы, сперва, кровать мою из дома в курятник вынесите.

ВОРОНЦОВ: Это зачем? То есть, это мы мигом! (Мужикам.) Эй, мужики, дело есть!

40. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. КУРЯТНИК ТАТЬЯНЫ. ДЕНЬ.

Мужики ставят кровать в курятник. Кругом кудахчут потревоженные куры. Входит Татьяна, с двумя бутылками самогона. Отдает бутылки Воронцову.

ВОРОНЦОВ: Хорошая ты женщина, Татьяна Васильевна.

Понимающая. Если б не моя, я бы ух!

ТАТЬЯНА: Ты, Воронок, языком мели, да не забывай, с кем разговариваешь. Долг у тебя тыща. Плюс за сегодня еще шестьсот. Больше – не дам.

41. ИНТ. ОСТРОВ. СТОРОЖКА. НОЧЬ.

Володя просыпается. На улице – гул. Володя приподнимается на кровати, выглядывает в окно. На небе – растущий месяц. Володя видит рябь на озере, и большой темный силуэт под водой, похожий на крокодила. В темноте Володя не может различить, что это. Ему становится страшно. Володя ложится обратно, закрывает глаза, отворачивается к стене.

42. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. У ДОМА ТАТЬЯНЫ. НОЧЬ.

Машина Татьяны подъезжает к дому. Из машины вылезает пьяный ЖЕНЬКА (25), падает в грязь. Татьяна бросается его поднимать.

ЖЕНЬКА (отмахиваясь, неразборчиво): Отстань! Иди ты!

ТАТЬЯНА (пытается поднять Женьку): Сейчас, вместе пойдем.

ЖЕНЬКА (поднимается, икает, оглядывается вокруг):

А пацаны где? (Кричит.) Где пацаны?

ТАТЬЯНА: Уймись! Соседей разбудишь.

ЖЕНЬКА (кричит): Да пошли они все!

ТАТЬЯНА: Женька, хоть я тебе и мать, а терпение у меня все ж таки не железное.

ЖЕНЬКА: Мать-перемать. Раз мать, так дай мне денег. Я обратно, в город, поеду. Та-та-ри-та-тай. (Танцует.)

ТАТЬЯНА: Хватит. Наездился уже. Дома посидишь.

ЖЕНЬКА: Чтоб я у юбки твоей был? Не дожدهшься. Одна помрешь. Потому что – сука! (Пытается оттолкнуть Татьяну, снова падает.)

ТАТЬЯНА (наклоняется над Женькой, холодно): Да, родная мать твоя – сука. А ты кто тогда – щенок, получается? Только твякать и годишься. Кусать зубы не выросли.

Женька успокаивается.

ТАТЬЯНА (брезгливо): Провонял весь. Спать будешь в доме тетки Натальи.

ЖЕНЬКА: К покойнице сына родного отправляешь?

ТАТЬЯНА: Живых опасаться надо, а покойников бояться нечего. Смирные они.

43. НАТ. ЛЕСОПИЛКА. ДЕНЬ.

Мужики, с похмелья, сидят на бревнах у лесопилки. Воронцов разливает самогон по стаканам.

1-Й МУЖИК: Сколько в Африке от этой заразы негров померло... Ну, на здоровье! (Мужики чокаются, выпивают.)

По новостям слышал, она уже на Европу перекинулась. А оттуда и до нас недалеко.

2-Й МУЖИК: Да какая, на фиг, у Кольки эбола?

1-Й МУЖИК: Микроб, он маленький, да удаленький. Вот, допустим, привезут в лавку бананы, а в них эта самая эбола и сидит.

ВОРОНЦОВ: Да на хрена нам ихние бананы, мужики? Если есть наш экологически чистый огурец. (Достает из банки соленый огурец, надкусывает.)

Издалека слышен звук мотора машины.

2-Й МУЖИК?: Шухер! Сергеич приехал!

Мужики прячут за бревна бутылку и стаканы. К лесопилке подъезжает машина ХОЗЯИНА (45). Мужики отряхивают и поправляют одежду. Хозяин вылезает из машины.

ХОЗЯИН: Здорово, мужики! (Пожимает Мужикам руки.)

МУЖИКИ (вместе): Здорово, Сергеич.

Хозяин принюхивается.

ХОЗЯИН: Мы же договорились...

ВОРОНЦОВ: Сергеич, исключительно в профилактических целях. Николай заболел. Вот мы и продезинфицировались, по чуть-чуть. Работать-то кроме нас, некому.

ХОЗЯИН: Я как раз о работе поговорить и приехал...

1-Й МУЖИК: Опять заказ слетел?

ХОЗЯИН (оправдывается): Так, дороги развезло, после бури. Заказчик говорит – по вашему говномесу машину не повезу. Я ему – как так, у меня работники готовы, коман-

ды ждут. А он заладил – не повезу, и точка.

ВОРОНЦОВ: Мать ети, Сергеич. Уж третий раз за сезон.

ХОЗЯИН: Вы меня тоже поймите, мужики. Я весь в кредитах. Еще за лесопилку не рассчитался. Вот если мы все вместе поднатужимся...

2-Й МУЖИК: Так и лопнуть можно! (Мужики смеются.)

ВОРОНЦОВ: Чем за «мелко» вкалывать, лучше задарма дома сидеть. Как крупный заказ появятся – зови.

Воронцов демонстративно достает припрятанный между бревнами самогон. Мужики уходят.

ХОЗЯИН (вслед мужикам, тихо): Совсем распоясались.

44. НАТ. ОСТРОВ. БЕРЕГ ОЗЕРА. ДЕНЬ.

Володя выходит из сторожки с эмалированным тазиком, в котором лежат носки, рубашка и кусок хозяйственного мыла. Садится на деревянный причал. Стирает одежду в озере.

Наташа неожиданно выныривает из воды. Забирается на причал. Она в платье и босоножках. Некоторое время Володя и Наташа сидят молча. Наташа разжимает кулак – на ладони у нее бьется маленькая рыбка. Она разглядывает рыбку.

Володя берет рыбку с ладони девушки, выбрасывает в озеро.

ВОЛОДЯ: Она живая. Ей больно. (Снова начинает стирать.) Ну, как там твой аппарат? Долго еще чинить?

НАТАША: Полнолуние. Взлет.

ВОЛОДЯ: Ты, это, не подумай, я тебя не гоню... Но если про Кольку кто узнает, церемониться не будут. Меня – на нары, тебя – на опыты.

НАТАША: Топливо. Кончилось.

Володя роется в карманах, мелочь и мелкие купюры по 10 рублей, кладет на причал, пересчитывает. Из кармана вываливается фотография девушки с надгробья. Володя и Наташа этого не замечают. Фотография падает в воду, и волны несут ее к берегу.

ВОЛОДЯ: Деньги тоже кончились. (Задумывается.) Ладно. Я что-нибудь придумаю. Ты только нужный объем топлива рассчитай.

45. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. ДОМ КОЛЬКИ И МАРИНКИ.
ДЕНЬ.

Маринка, одна, просыпается в кровати. Она слышит

с улицы звук молотка – трезвый Колька поднимает покосившийся забор. Маринка одевается. Растапливает печь. Колька заходит в дом. В руках у него пакет, с вещами Маринки из тайника.

МАРИНКА: Коленька... Я... (Садится за стол, закрывает лицо руками.) Прости!

КОЛЬКА: Оба мы виноваты. Жили неправильно. Ты мучилась. Да и я, дурак.

Колька подходит к Маринке, обнимает ее за плечи. Маринка всхлипывает.

КОЛЬКА: Ну, чего ты? Пить я больше не буду никогда. Слово даю. Мы теперь по-другому заживем, слышишь? Сына мне родишь.

Маринка хватает пакет с вещами, кидает в печь.

46. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. МАГАЗИН. ДЕНЬ.

Маринка и Петровна беседуют в магазине через прилавок.

МАРИНКА: Она на него руку вот так наложила. (Кладет руку на лоб Петровны.) И сразу всю информацию считала. Вы, говорит, Николай, не просто так выпиваете. Бес в вас сидит.

ПЕТРОВНА (крестится): Так я и знала!

МАРИНКА: Пальцами щелкнула, вот так. (Щелкает перед лицом Петровны, та вздрагивает.) Бес как полез! А она давай его ловить, да за рога наружу тянуть. Так всего и вытащила. Только ожог во лбу остался. От адского пламени.

ПЕТРОВНА: Это же какой тяжкий крест несут люди. В глаза любому посмотришь, и тут же знаешь про него всю биографию.

В магазин входит Володя.

ПЕТРОВНА: Здравствуй, Володенька. Тут дело такое, деликатное, не знаю, как и сказать.

ВОЛОДЯ: Прямо говори – чего хочешь?

ПЕТРОВНА: Хочу, чтобы муж мой, Илья Иваныч, пить завязал окончательно. Вот как Маринкин Николай. Знаю, Наташеньке твоей это по силе. Силу Господь не дает тем, кто с ней совладать не может.

ВОЛОДЯ: А с чего ты взяла, что Наташа твоего деда Илью может отвадить от пьянства?

Петровна смотрит на Маринку. Маринка делает вид, что протирает прилавок.

ПЕТРОВНА: Чудо Господне не утаится от страждущих, Владимир.

ВОЛОДЯ (смотрит на Маринку): Понятно.

ПЕТРОВНА: Так я, это, деда собрала уже. Едем, значит?

ВОЛОДЯ: Едем, что с вами поделаешь.

ПЕТРОВНА: Мы мигом. Благослови тебя Господь. (Уходит.)

МАРИНКА: Володь, я ей ни слова не сказала. Ты же знаешь Петровну. Язык без костей.

ВЛАДИМИР: Да и шут с ней. Марин, мне бы продуктов одолжить. И вина хоть пару бутылок. Сама знаешь, пособие в конце месяца.

МАРИНКА: Что ты, Володечка. Должница я ваша теперь. За Кольку, проси, что хочешь, все сделаю.

Маринка ставит на прилавок продукты и ящик водки.

МАРИНКА: Погоди. (Роется в кармане.) Вот.

Маринка подает Володе завернутую бумажку. Он разворачивает бумажку – там золотые серьги Натальи.

МАРИНКА: Ты прости меня. Взяла без спросу. Бес попутал.

ВОЛОДЯ: Когда же ты успела?

МАРИНКА: Да в тот самый день, как померла тетка Наталья.

ВОЛОДЯ: Ты что, получается, в дом к нам заходила?

МАРИНКА: Зачем в дом? (Осекается.) Да, в дом зашла. Татьяна Васильевна велела сестру на юбилей позвать. А тетка Наталья на кровати лежит, холодная. Мне так страшно стало, я тут же вон бросилась.

ВОЛОДЯ: Что ж ты никому не сказала? Скорую не вызвала?

МАРИНКА: Прости, Володечка. Грех на мне. Пьяная была, не соображала ничего.

ВОЛОДЯ: Как же ты не соображала, а серьги взяла?

МАРИНКА: Как-как. Говорю же, бес попутал. Ты прости меня, если сможешь.

ВОЛОДЯ: Бог простит.

47. НАТ. ОЗЕРО. ДЕНЬ.

Володя, Петровна и дед Илья в моторке едут к острову. Дед Илья сидит, согнувшись, обхватив голову руками, и мычит.

48. НАТ. ОСТРОВ. БЕРЕГ ОЗЕРА. ДЕНЬ.

Лодка причаливает к пирсу. На пирсе ждет Наташа. Дед Илья, мыча, вылезает из лодки, ползет по пирсу навстречу к Наташе. Наташа хлопает в ладоши один раз. Металлический шарик летит к деду Илье, кружит вокруг его головы. Петровна пытается поставить деда Илью на ноги, тот отмахивается от шарика и мычит сильнее. Володя берет Петровну под руку и быстро уводит в сторону кладбища.

ПЕТРОВНА (оглядывается): Ой, чего это так мигает?

ВОЛОДЯ (настойчиво ведет Петровну в противоположную сторону от пирса): Нельзя нам на это смотреть, Валентина Петровна. И рассказывать тоже никому нельзя. Иначе

бес услышит.

ПЕТРОВНА (крестится): Если жизнь праведную ведешь – в храм ходишь, молишься, причащаешься, пост соблюдаешь, каешься регулярно, вот как я, допустим... Тут беса бояться нечего. (Смотрит на церковь, крестится, плюет себе под ноги.) Тыфу на лукавого. Пусть сам нас боится.

Володя и Петровна уходят на кладбище. За их спинами, на воде лежит дед Илья. Прозрачная капсула переливается белыми искрами.

49. НАТ. ОСТРОВ. КЛАДБИЩЕ. ДЕНЬ.

Володя стоит у могилы родителей Петровны. Могилу недавно пололи, но кресты покосились после бури, фотографии выцвели – лиц почти не разобрать. Пластиковые цветы на венках тоже выцвели, до белого цвета. Петровна стоит на коленях, выдирает редкие сорняки.

ПЕТРОВНА: Давно я здесь не бывала, дорогие. То одно, то другое, да и деда разве одного оставишь? Спасибо, Владимир, что приглядел. (Оглядывается по сторонам, видит могилу Натальи.) А Натальина-то могилка как ухожена! Еще бы жить да жить. И как вы любили друг друга! Как ни посмотрю, а вы вдвоем идете под ручку, как шерочка с машерочкой. Я ж всегда Наталье советовала за тебя замуж идти. И, ты да-

же не сомневайся, она бы пошла, если бы не сеструха.

Володя снова кивает.

ПЕТРОВНА (украдкой поглядывает в сторону озера). Своими придирками она Наталью и уморила. (Осекается.) Не в том смысле, что уморила, а в том, что доброго слова ей за всю жизнь не сказала. А теперь и могилку, небось, ни разу не проведала...

Со стороны озера раздается жуткий крик деда Ильи. Володя и Петровна бегут к озеру.

50. НАТ. ОСТРОВ. БЕРЕГ ОЗЕРА. ДЕНЬ.

Володя и Петровна подбегают к берегу. Там, без движения, лежит мокрый дед Илья, застывшим взглядом смотрит в небо. На лбу у деда красная круглая отметина. Наташа равнодушно стоит рядом.

ПЕТРОВНА (подбегает к деду Илье, ощупывает): Муж мой, кормилец мой! Что с тобою? (Толкает деда Илью.) Встань, подымись! На кого же ты меня оставляешь, одну одишеньку! (Наташе и Володе.) Да что же вы стоите, изверги проклятые! Помогите, помирает он!

ДЕД ИЛЬЯ (трезвым голосом): Уймись, глупая баба.

Не помираю я.

Петровна от неожиданности замолкает, садится рядом с дедом Ильей на траву.

ДЕД ИЛЬЯ: Ну, чего рот раззявила? Чего расселась?

ПЕТРОВНА: Ой, живой!

ДЕД ИЛЬЯ: Вот правду говорят, что все бабы – дуры. Что со мной случится-то может? (Трогает себя за голову, чешет отметину на лбу.) Руки-ноги целы, голова на месте. А тебе бы все причитать. Вставай, залазь в лодку. Дел накопилось – невпроворот.

Дед Илья бодро встает, по очереди жмет руки Володе и Наташе, идет к моторке. Петровна, с раскрытым ртом, идет за ним, осеняет крестным знамением то себя, то спину деда Ильи. Дед Илья оборачивается на Наташу, пристально смотрит.

ДЕД ИЛЬЯ: Да нет, показалось

51. НАТ. ДЕРЕВЕНСКАЯ УЛИЦА. НОЧЬ.

В деревне идет дождь.

52. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. ДОМ ПЕТРОВНЫ. НОЧЬ.

Зачехленная гармонь убрана на шкаф. Дед Илья крепко спит в своей кровати. Рядом с кроватью, перед иконами, на коленях стоит Петровна, крестится, шепчет молитву и отвешивает поклоны.

53. НАТ. ОСТРОВ. ДЕНЬ.

Бобслей.

Бабы везут на остров мужиков, для исцеления от алкоголизма. Привозят Наташе и Володе продукты и алкоголь.

Наташа лечит Воронцова в прозрачной капсуле. У Воронцова во лбу мигает красная лампочка.

Володя складывает ящики с водкой в сторожке.

Наташа несет водку к берегу озера. Возвращается обратно с пустыми бутылками.

Володя сортирует привезенные бабами банки с разносолами. Банки трясутся от вибраций – за кадром Наташа чинит космический корабль.

На берегу озера, со стороны материка, сидят кошки, мяукают.

54. НАТ. ДЕРЕВНЯ. ДВОР ПЕТРОВНЫ. ДЕНЬ.

Дед Илья вытаскивает из дома икону, несет в сарай. За ним с визгом бежит Петровна.

ПЕТРОВНА: Илюшенька, ведь это грех великий! Как же

ты после смерти пред очи божьи смотреть будешь глазами своими бесстыжими?

ДЕД ИЛЬЯ (останавливается у сарая): Запомни. Бога нет.

ПЕТРОВНА (крестится): Опомнись. Это слова дьявола.

ДЕД ИЛЬЯ: И дьявола тоже нет. А есть одна эволюция. Мы – мартышки. Поскачем, поплачем, помрем, сгнием. (Бросает икону в сарай, там уже лежат остальные иконы Петровны.)

ПЕТРОВНА (крестит деда Илью): Изыди, дьявольское отродье, покинь тело раба Божия Илии, во имя Христово. (Открывает бутылку со святой водой, окропляет деда Илью.)

Дед Илья хватает полено, идет на Петровну. Петровна убегает.

ДЕД ИЛЬЯ: Сейчас я тебя знатно переkreщу.

Мимо дома Петровны проходят Колька и Воронцов. Петровна выбегает за калитку, прячется за Колькой.

ПЕТРОВНА: Посмотрите, ребятки, коммунистом на старости лет заделался! (Деду Илье.) Ирод ты, а не коммунист.

ДЕД ИЛЬЯ (Кольке и Воронцову): Здорово, мужики. (Петровне.) Замолкни. Я всю жизнь коммунистом был, коммунистом и останусь. И помру, если придется, тоже коммунистом.

ПЕТРОВНА (плюет себе под ноги): Тьфу!

ВОРОНЦОВ: При коммунизме такого разврата, какой сейчас в стране творится, не было.

ПЕТРОВНА (Воронцову): Воронок, ты-то откуда знаешь? Ты ж, когда Союз распался, еще в школу ходил.

ВОРОНЦОВ: И что? Вон, Сергеич нас сколько лет эксплуатирует, без выходного пособия. При Союзе бы его за такую деятельность живо к стенке. А сейчас – как сыр в масле катается, за наш счет.

ДЕД ИЛЬЯ: Вот карась. Но мы этого карася быстро прищучим.

КОЛЬКА: Это как же?

ДЕД ИЛЬЯ: Профсоюз вам надо организовать, вот как.

ПЕТРОВНА (выглядывая из-за Кольки, деду Илье):
Не лез бы ты ни в свое дело.

ДЕД ИЛЬЯ (Петровне): Цыц! (Кольке и Воронцову.) Я про рабоче-крестьянские права все знаю. 20 лет отпахал в профсоюзном комитете. Предлагаю завтра собрать собрание и внести вопрос на повестку дня.

55. ИНТ. ОСТРОВ. СТОРОЖКА. ДЕНЬ.

Наташа ест вареную картошку из котелка. Вокруг ее головы летает металлический шарик. Володя роется в кармане. Достает серьги Натальи, кладет на стол перед Наташей.

ВОЛОДЯ: Вот, подарок.

Наташа берет серьги, рассматривает.

ВОЛОДЯ (смущается): Наталье купил, на годовщину. Она их никогда не снимала.

Наташа цепляет серьги на волосы. Серьги падают. Она поднимает серьги, крепит на платье, как ордена.

ВОЛОДЯ: Дай, помогу.

Володя берет серьги, наклоняется над Наташей. Отгоняет от ее головы шарик.

ВОЛОДЯ: Вот я полоротый! У тебя же уши не проколоты! (Показывает на свои мочки.) Вот тут дырки делают, а в них сережки вешают.

НАТАША: Почему.

ВОЛОДЯ: Для красоты.

Наташа дважды хлопает в ладоши. Шарик приземляется на стол, замирает. Наташа накрывает шарик пустой пол-литровой банкой. Встает из-за стола, подходит к стене сторожки. Там, прямо в доску, воткнута иголка с длинной ниткой. Наташа выдергивает иголку, решительно прокалывает себе сначала правое, потом левое ухо, даже не поморщившись. В момент проколов из ушей идет звук, как будто сдувается воздушный шарик. Володя, открыв рот, смотрит на Наташу. Наташа надевает серьги в уши.

НАТАША: Красота. Поехали.

56. НАТ. ДЕРЕВНЯ. ПЕРЕД МАГАЗИНОМ. ВЕЧЕР.

На крыльце магазина висит плакат – «С Днем Рождения, любимая деревня!». Под плакатом висит гирлянда, половина лампочек на ней не работает. На площадке перед магазином накрыт длинный стол, составленный из нескольких столов.

Мужики сидят с одного края стола, шепотом обсуждают с дедом Ильей создание профсоюза. Они все – трезвые. Пьет только Женька, который сидит отдельно от остальных.

Бабы сидят с другой стороны стола, выпивают, посматривают на мужиков, скучают. Маринка шушукается с бабами, встает, идет к Кольке.

МАРИНКА: Николай, идем танцевать.

КОЛЬКА (отмахивается): Да погоди ты! Вон, и музыки нет.

Маринка включает телефон, ставит песню, с ужасным качеством звука.

МАРИНКА: Вот, пожалуйста!

ПЕСНЯ:

Я тебе посвящал все песни свои,
Я себя открывал, что хочешь, бери,
И с надеждою ждал, когда же тронется лед,
Только в сердце любимом любовь не живет.

Маринка берет Кольку за руку, тянет из-за стола.

КОЛЬКА: Да отвяжись! Набралась уже к обеду!

МАРИНКА (игриво): Нет в тебе страсти, Коля...

Маринка одна танцует под музыку. Остальные бабы встают из-за стола, присоединяются к ней. Маринка, эротично извиваясь, подходит к Женьке.

МАРИНКА: Жень, составишь компанию?

Женька хмыкает, пошатываясь, вылезает из-за стола, идет танцевать с Маринкой. Он обнимает Маринку за талию, и они танцуют «медляк». Маринка откровенно прижимается к Женьке, крутит попой. Колька видит это, отвлекается от мужиков, смотрит на танцующих.

ДЕД ИЛЬЯ: Срамота!

К месту гуляний подходят Володя и Наташа. Бабы вовлекают их в свой танец. Наташа стоит на месте, не знает, что делать. Бабы танцуют вокруг Володи, прижимаются к нему, он смущен. Володя обходит баб, берет растерянную Наташу за руку. Они начинают танцевать.

ПЕСНЯ:

А я и не знал,

Что любовь может быть жестокой,
А сердце таким одиноким,
Я не знал, я не знал...

Володя и Наташа смотрят друг другу в глаза. Наташа неловко передвигает ноги, как будто марширует на месте, Володя обнимает ее за талию, ведет в танце. Они танцуют, как будто вокруг никого нет.

ПЕСНЯ:

Но все равно, я тебе желаю счастья,
Нам незачем больше встречаться,
Я все сказал, я все сказал...

Женька не отрываясь, смотрит на Наташу. Маринка тоже смотрит, хихикает. Женька шикает на Маринку, подходит к танцующим Наташе и Володе.

ЖЕНЬКА: Дай, я!

Женька хватает Наташу за руку, притягивает к себе. Женьку шатает. Наташа, как кукла, повторяет его движения. Женька падает, тянет за собой Наташу. Она падает на Женьку. Бабы смеются. Женька заморожено тянет руку, хочет прикоснуться к лицу Наташи.

НАТАША: Не. Надо.

Володя отталкивает руки Женьки, поднимает Наташу, сажает за стол. Женька с трудом поднимается, толкает Володю в спину. Он падает на стол, самогон разливается по скатерти, заливает телефон Маринки. Песня с шипением обрывается. Женька хватает бутылку, замахивается на Володю.

ЖЕНЬКА: Падаль! Мало тебя мать гоняла!

Колька и Воронцов скручивают Женьку, тот сопротивляется.

ЖЕНЬКА: Пусти! (Пытается ударить Кольку, потом Воронцова.) Сучьи морды!

Володя уводит Наташу. Возвращается, берет со стола две бутылки самогона.

МАРИНКА: Не, ну нормально, а?!

Володя и Наташа уходят с праздника. На развороченный стол прыгает кошка, ходит по столу, принюхивается. Потом убегает вслед за Наташей и Володей.

57. НАТ. ОЗЕРО. НОЧЬ.

Володя и Наташа едут в моторке на остров. Небо чистое. На воде серебристая дорожка месяца.

ВОЛОДЯ (стоит на носу, не оборачиваясь на Наташу): Ты не думай, они сами по себе – не злые. Просто страшно одному. Вот в стаи и сбиваются. Огрызаются.

НАТАША: Ты. Добрый.

ВОЛОДЯ (усмехается): Я? Я ведь человека убил. Сидел. С Натальей моей по переписке познакомился. Знаешь, если бы не она, я бы снова сел – идти мне больше было некуда. А она пожалела.

Лодка прибывает к причалу. Володя оглядывается на Наташу, ее лицо не выражает никаких эмоций.

ВОЛОДЯ: Приехали.

Володя вылезает из лодки, подает руку Наташе, она сжимает руку Володи, и смотрит ему в глаза.

НАТАША: Ты. Бы. Поменял. Если. Бы. Мог. Не убил.

ВОЛОДЯ: Да что толку думать о том, что невозможно изменить?! Да я лучше бы сам бы там умер, а девчонку ту спас. Молодая была совсем девочка. И откуда выскочила на доро-

гу?

58. НАТ. У ЛЕСОПИЛКИ. ДЕНЬ.

Мужики, с самодельными плакатами «Требуем 8-часовой рабочий день», «Белая зарплата – бич для бюрократа», толпятся у закрытой лесопилки. Подъезжает машина Хозяина.

ХОЗЯИН (вылезает из машины): Вы что за цирк устроили? Опять, что ли, синие?

Воронцов (выходит из толпы): Сергеич, мы все трезвые!

ХОЗЯИН: Тогда не понял.

ВОРОНЦОВ (оглядывается на мужиков): Мы тут посоветовались и решили – баста. Больше никакой шабашки и шарашки. Требуем, чтобы ты нас на лесопилке оформил официально.

КОЛЬКА (выкрикивает из толпы): И зарплата чтобы тоже была официальная!

ХОЗЯИН: Легко сказать. Только, со всеми налогами, вы в два раза меньше получать будете. А заказов от вашей официальности не прибавится.

Мужики шушукаются, явно начинают сомневаться.

ВОРОНЦОВ (оглядывается, мужикам): Спокойно! (Хозяину.) Сергеич, мы хотим, чтобы денежный процент нам на пенсию регулярно капал. Стабильности хотим.

ХОЗЯИН: Да какая в нашем деле стабильность? То дождь, то заморозок, то пол-леса сгорит на ровном месте. И если по справедливости говорить, не особо-то вы и пашете!

ВОРОНЦОВ: Тогда, Сергеич, не обессудь, расстанемся по-хорошему. Айда, мужики!

Мужики, недовольно перешептываясь, уходят.

ХОЗЯИН (вслед мужикам): Прибежите еще! Работать вам все равно больше нигде!

59. НАТ. ДЕРЕВНЯ. У МАГАЗИНА. ДЕНЬ.

Женька стоит у задней двери магазина, оглядывается по сторонам. Маринка выносит бутылку водки, отдает Женьке. Он протягивает Маринке смятую купюру.

МАРИНКА: Только, чтоб мать твоя не узнала – а то загрызет.

Женька сплевывает.

МАРИНКА: Жень, ты, что, на экстрасенсшу запал?

ЖЕНЬКА (открывает бутылку, пьет из горла): Отвали.

МАРИНКА: Я же о тебе беспокоюсь. Ты парень видный. С тобой любая пойдет.

ЖЕНЬКА (хмыкает): Любая, это ты, что ли?

МАРИНКА: Я точно знаю – экстрасенсша в этом деле ничего не умеет.

ЖЕНЬКА: В смысле?

МАРИНКА: В том самом смысле. Она же вобла сушеная. Еще и с придурью. Да какой мужик с этой...

Женька грозно смотрит на Маринку, та замолкает. Женька глотает еще водки, разглядывает Маринку.

МАРИНКА: Тебе, Жень, нужна женщина опытная.

ЖЕНЬКА: А Колька как же?

МАРИНКА: А что Колька? Он у деда Ильи днями и ноча-

ми заседает, вместе с остальными. Что ж мне, теперь, одной в холодной постели куковать? Я – женщина молодая, здоровая. Мне внимание нужно, Женя.

Маринка берет из рук Женьки бутылку, пьет из горла, закашливается. Оба слышат, что в магазин кто-то зашел.

МАРИНКА: Ну, я пошла. Если что – зови.

(Уходит.)

60. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. МАГАЗИН. ДЕНЬ.

Маринка идет к прилавку, видит Наташу и Володю. Маринка достает из кармана телефон, быстро и незаметно отправляет смс.

МАРИНКА: Водки нет.

ВОЛОДЯ: Как же нет, если вот она стоит. (Показывает на витрину.)

МАРИНКА: Это муляж.

ВОЛОДЯ: Ну, дай вина.

МАРИНКА: Вина тоже нет. И вообще, весь спирт закончился. И когда завезут, неизвестно. Кризис.

ВОЛОДЯ: Марин, как нет-то? Да от тебя самой разит!

МАРИНКА (берет тряпку, начинает чистить прилавок):
Ходят тут всякие алкаши, и все им в долг подавай. А у меня,
между прочим, отчетность.

ВОЛОДЯ: Марин, ты чего? Мы ж Николая твоего выле-
чили...

МАРИНКА: А уж за мужа моего отдельное спасибо! Протрезвел, работу бросил. Теперь одна пашу на всю семью, вот счастье женское привалило!

В магазин заходят бабы во главе с женой Воронцова.

ЖЕНА ВОРОНЦОВА (кивает Маринке): Спасибо за сигнал! (Наташе.) Значит так, барышня, возвращай-ка ты нашим мужикам обратно все, как было.

ВОЛОДЯ: Обратно – это как? Чтобы мужики снова запили?!

ЖЕНА ВОРОНЦОВА: Именно. А то они, как протрезвели, окончательно с катушек слетели, с этим своим профсоюзом.

НАТАША: Процесс. Необратим.

ЖЕНА ВОРОНЦОВА: В смысле?

ВОЛОДЯ: В смысле, мужики ваши пить бросили навсегда. Разговор окончен.

1-Я БАБА (делает шаг к Наташе): Да вмазать ей хорошенько, живо все исправит!

ВОЛОДЯ (закрывает собой Наташу): Вы что, с ума все посходили?

ЖЕНА ВОРОНЦОВА: Мы-то как раз нормальные. А вот племянница твоя явно нарывается.

2-Я БАБА: Да сдать ее надо, в органы. Пусть проверят на законную деятельность.

БАБЫ (вразной): Верно. Сдать ее.

Бабы наступают на Наташу. В магазин, с черного хода, заходит Женька.

ЖЕНЬКА (бьет кулаком по прилавку так, что Маринка вздрагивает): Стоять!

Бабы замирают.

ЖЕНЬКА: Значит так. Если Наташу кто хоть пальцем тронет, я этот самый палец оторву вместе с рукой. И не посмотрю, что бабы. (Володе.) Валите отсюда побыстрее.

Володя берет Наташу за руку, уводит из магазина.

НАТАША (оглядываясь на прилавок, Володе): Топливо.

МАРИНКА (вслед Володе и Наташе): В другом месте заливаетесь! Алкашня!

61. НАТ. ДЕРЕВНЯ. У ДОМА ТАТЬЯНЫ. ДЕНЬ.

Володя и Наташа подходят к дому Татьяны. У дома стоит машина с красным крестом. Дверь в Натальину половину дома распахнута. Остатки стекла в окне выбиты, стакан с водой, поставленный для покойной, валяется на земле.

ВОЛОДЯ: Посиди здесь. Я быстро.

Наташа садится на лавку у забора. Володя заходит во двор, замечает, что кровать Татьяны стоит у курятника. Володя подходит к дому, поднимает стакан. Наливает воду из ведра, ставит стакан на подоконник. Заходит в дом.

62. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. КОМНАТА НАТАЛЬИ. ДЕНЬ.

Володя входит в комнату Натальи. Там полный бардак – на полу у окна валяется сломанный стул. Разбитая рамка с фотографиями лежит на полу. Одна дверца шкафа висит на петлях. Из комода вытащены ящики. Татьяна и ФЕЛЬДШЕР (50), с бутылкой самогона в кармане куртки, стоят у серванта. Часть посуды из серванта разбита.

ТАТЬЯНА: Роман Романыч, вы уж простите за беспорядок. Евгений буянил, пришлось изолировать.

ФЕЛЬДШЕР: Дело молодое. Главное – препараты целехоньки. (Достает из серванта упаковку инсулина.) Сестре вашей уже за ненадобностью, так, может, кому еще пригодится.

ВОЛОДЯ: День добрый!

ТАТЬЯНА (фельдшеру): Принесла нелегкая!

ФЕЛЬДШЕР: Приветствую, Владимир.

ВОЛОДЯ (Татьяне): Татьяна Васильевна, самогону одолжи. Очень надо.

ТАТЬЯНА (фельдшеру): Что я говорила. Даже не стесняется.

ФЕЛЬДШЕР: Что празднуем, Владимир? Жена скончалась...

ТАТЬЯНА (фельдшеру): Да какая жена? Так, сожители. Мало ли кто с кем живет. Одна кончилась, новую завел. Тоже тихушницу.

ФЕЛЬДШЕР (Татьяне): Что и говорить, человеческая смерть – это большая трагедия. А все почему?

ВОЛОДЯ: Почему?

ФЕЛЬДШЕР: Известный факт. Общая моральная неудовлетворенность. По научному – депрессия.

ТАТЬЯНА (фельдшеру): Да какая депрессия, Роман Романыч! Пить надо меньше!

ВОЛОДЯ: Наталья ни капли в рот не брала. Разве при диабете пить можно?

ФЕЛЬДШЕР: Так в крови следы...

ТАТЬЯНА (перебивает фельдшера): Сам ее, небось, и уморил, уголовник проклятый! Думаете, он к сестре моей

просто так прицепился? Баба одинокая, болезная, у сестры живет на полном довольствии. Быстро все рассчитал.

ФЕЛЬДШЕР: Вот ты мне объясни, Владимир, почему Наталья инсулин себе не колола?

ВОЛОДЯ: Как не колола?!

ФЕЛЬДШЕР (крутит в руках упаковку инсулина): Так упаковка-то не вскрыта! Получается, не колола.

ВОЛОДЯ: Наталья уколы по часам сверяла!

ФЕЛЬДШЕР: Депрессия часто вызывает суицидальные наклонности. Известный факт. (Вздыхает.) Володя, потрясенный, как сомнамбула, выходит из комнаты.

ФЕЛЬДШЕР: Деревня. Даже до свидания не сказал. А вот с вами всегда приятно иметь дело.

63. НАТ. ДЕРЕВНЯ. У ДОМА ТАТЬЯНЫ. / УЛИЦА. ДЕНЬ.

Наташа сидит на лавке у забора. Рядом с ней, на лавке, на заборе и на траве, сидят несколько кошек, Наташа их гладит. Володя проходит мимо Наташи, идет по дороге в сторону озера. Наташа встает, идет за ним. Кошки бегут за Ната-

шей.

НАТАША: Топливо.

Володя никак не реагирует. Наташа семенит рядом с Володи́ей, тараторит.

НАТАША (дергает Володю за рукав): Володя. Времени. Мало. Нужно. Еще. Топливо. Володя. Времени. Мало.

Володя резко останавливается, хватая Наташу за плечи, встряхивает.

ВОЛОДЯ: Она сама – не могла. Она любила жизнь, понимаешь?

НАТАША: Не. Понимаю. Тебе. Плохо. Володя. Больно. Тебе. Надо. В капсулу. Если. Больно.

Володя с раздражением машет на Наташу рукой, уходит.

64. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. ДОМ ПЕТРОВНЫ. НОЧЬ.

Вместо икон в доме Петровны в красном углу висит портрет Ленина. Дед Илья спит за столом, уронив голову на профсоюзные бумаги. Колька, Воронцов и другие мужики, тихо, чтобы не потревожить деда Илью, встают из-за сто-

ла, жмут друг другу руки, по очереди выходят из комнаты. Последним выходит Колька.

65. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. САРАЙ ПЕТРОВНЫ. НОЧЬ.

На небе – почти полная луна. Колька идет мимо сарая Петровны. Видит, как Петровна, в тайне от мужа, на коленях молится перед спрятанными в сарае иконами.

ПЕТРОВНА (крестится): Господи, прости нас, грешных. Избави нас от нечистой силы, от городской экстрасенсши, да от всякой ереси. Во имя отца, и сына...

Колька выходит за калитку, идет к своему дому.

66. ИНТ. ДЕРЕВНЯ ДОМ КОЛЬКИ И МАРИНКИ. НОЧЬ.

Колька заходит в комнату. Видит, что Маринки нет в кровати. Колька берет ружье, выходит из дома.

67. ИНТ. ДЕРЕВНЯ. КУРЯТНИК ТАТЬЯНЫ. НОЧЬ.

Маринка и Женька занимаются сексом на кровати Татьяны, в курятнике. Вместо Маринки в процессе Женьке мерещится Наташа. Он зажмуривает глаза. Открывает – снова видит Маринку. В сарай заглядывает Колька, любовники его не замечают. Маринка стонет. Колька взводит курок, стреляет.

МАРИНКА (взвизгивает): Ааа!

Потревоженные куры кудахчут, хлопают крыльями. Петух поет.

68. НАТ. ОСТРОВ. КЛАДБИЩЕ. МОГИЛА НАТАЛЬИ.
НОЧЬ.

Гул, идущий от озера, затихает. Володя лежит на траве у могилы Натальи, смотрит на месяц и звездное небо. Наташа, в мокром платье, подходит к Володе, наклоняется над ним. Вода с ее волос капает на его лицо.

НАТАША: Аппарат. Готов. Пять. Бутылок. На. Взлет.

ВОЛОДЯ (показывает на небо): Думаешь, моя Наталья сейчас там?

НАТАША (показывает на могилу): Там. В земле.

ВОЛОДЯ: Там – тело. А душа, ну, то, каким человек был, мысли его, чувства, поступки – если он никому зла не делал, то после смерти душа возносится в райский сад.

НАТАША: Лететь. Долго. Много. Планет. Где. Есть. Сад.

ВОЛОДЯ: Да это не планета... А, кроме нас и вас, жизнь-

то там, вообще, есть?

НАТАША: Есть.

ВОЛОДЯ: И что, все – такие же люди?

НАТАША: Разные.

ВОЛОДЯ (поднимается с земли): Пойдем, я тебе кое-что покажу.

69. НАТ. ДЕРЕВНЯ. У КУРЯТНИКА ТАТЬЯНЫ. НОЧЬ.
Деревенские толпятся у сарая. Менты сажают Кольку в машину.

ДЕД ИЛЬЯ: Эх, Колька, Колька.

ПЕТРОВНА: Так я и знала, что до смертоубийства дойдет! Дьявол в нашу местность повадился. Теперь жди одних бед.

Маринка, с перебинтованным предплечьем, бросается к машине.

МАРИНКА: Коленька!

КОЛЬКА (ментам): Уберите с глаз моих долой эту шала-

ву!

Мент (отводит Маринку): Отойдите, не положено.

МАРИНКА (подскакивает к Татьяне): Татьяна Васильевна, родненькая, умоляю! Сдуру он, не хотел он!

ТАТЬЯНА (холодно): Трезвый он был, как стеклышко. Значит, знал, на что шел.

МАРИНКА (подскакивает к Женьке): Женечка, ведь не сделал он тебе ничего. Все мне только. За что же вы его?

Женька молча поднимается с лавки, уходит в дом. Маринка смотрит на деревенских, те прячут глаза. Менты увозят Кольку.

70. ИНТ. ОСТРОВ. РАЗРУШЕННАЯ ЦЕРКОВЬ. НОЧЬ.

Володя показывает Наташе фрески на стенах разрушенной церкви. Наташа щелкает «фиксатором».

ВОЛОДЯ: Бог создал все вокруг. И небо, и землю, и светила. И человека, по образу и подобию своему. (Задумывается.) Если мы во Вселенной не одни, то, что же? Нет его?

НАТАША: Хочешь. Я. Показать. Дом.

Володя кивает. Наташа щелкает фиксатором. На стенах церкви появляется проекция звездного неба. Наташа водит руками, укрупняет проекцию, как на планшете. Володя видит Землю из космоса.

НАТАША: Это. Вы.

Наташа водит руками. На проекции пролетает Солнечная система, потом Млечный путь, потом проекция показывает огромное количество галактик. Наташа пальцами пролистывает галактики, наконец, останавливается на одной, расширяет картинку, отодвигает различные планетарные системы. Находит одну систему, с двумя звездами. Укрупняет одну из планет.

НАТАША: Это. Дом.

Володя прикасается к проекции. Пальцы проходят сквозь голограмму.

ВОЛОДЯ (восхищенно, шепотом): Чудо такое. Невероятное! Есть он, наверное, все-таки где-то, бог...

НАТАША: Жди. Здесь. Я. Тоже. Готовить. Подарок. Тебе. Наташа выходит из церкви, проекция гаснет. Володя оста-

ется в темноте. В церковь заходит женская фигура, лица ее не видно. Женщина приближается к Володе. Он всматривается в ее лицо – это его покойная НАТАЛЬЯ, выглядящая так же, как на похоронной фотографии, в тех же золотых сережках. Володя протягивает руки, как слепой, на ощупь, хаотично прикасается к ее лицу ладонями, губами, в этих жестах нет физической страсти, только тоска. Опускается на колени, обнимая ее ноги, и тут замечает на ногах белые босоножки Наташи. Володя, понимая, что инопланетянка приняла облик его жены, отталкивает ее.

ВОЛОДЯ: Нет, так – не надо. Так я не хочу. Так я не могу. (Выбегает из церкви.)

71. НАТ. ДЕРЕВНЯ. ДВОР ТАТЬЯНЫ. ДЕНЬ.

Татьяна показывает СТРОИТЕЛЮ (40) пристройку, где жила Наталья.

ТАТЬЯНА: Значит, вы поняли – это все сносим. Веранду ставим здесь. И чтобы колонны обязательно были белые.

СТРОИТЕЛЬ: Само собой, Татьяна Васильевна. Как говорится, любой каприз за ваши деньги.

Из дверей выходит трезвый Женька, в пиджаке, с галстуком. Он несет ящик самогона, сверху лежит коробка кон-

фет. Женька грузит ящик в машину Татьяны. Обрывает цветы с клумбы, кладет букет в машину.

ЖЕНЬКА (подходит к Татьяне): Мам, я, это, на остров поеду, к экстрасенсше. Подлечиться хочу. (Целует ошеломленную Татьяну в щеку.) Женька садится в машину, уезжает. Татьяна и строитель смотрят ему вслед.

72. ИНТ. НАТ. МАШИНА. У БЕРЕГА ОЗЕРА. ДЕНЬ.

Женька подъезжает к берегу озера. Останавливает машину. Смотрится в зеркало, поправляет галстук. Достает одну бутылку самогона, открывает, пьет из горла. Вылезает из машины, идет к старой весельной лодке. У лодки сидят кошки, Женька их прогоняет.

73. НАТ. ОСТРОВ. КЛАДБИЩЕ. МОГИЛА НАТАЛЬИ. ДЕНЬ.

Володя полет сорняки на могиле Натальи, кладет на могилу букет полевых цветов.

74. НАТ. ОСТРОВ. БЕРЕГ ОЗЕРА. ДЕНЬ.

Женька, на весельной лодке, причаливает к острову. Наташа, мокрая, сидит на причале.

ЖЕНЬКА: А ты что такая?

НАТАША: Плавала.

ЖЕНЬКА: А я, это, вот – привез. (Протягивает Наташе цветы и конфеты.)

НАТАША: Спасибо.

ЖЕНЬКА: И вот еще. (Выгружает ящик самогона.) Слышал, тебе надо.

НАТАША: Спасибо.

Женька с ящиком в руках идет к сторожке. Наташа семенил за ним.

75. ИНТ. ОСТРОВ. СТОРОЖКА. ДЕНЬ.

Женька и Наташа заходят в сторожку. Металлический шарик в банке на столе активизируется, приподнимается со стола, стучится о стенки банки. Женька его не замечает.

ЖЕНЬКА (ставит ящик самогона на стол, смотрит на пустые бутылки в углу): Ого. Мощно вы кочегарите. (Осматривается, видит, что кровать только одна.) Так вы с Володькой, значит, того? Не староват он для тебя?

Наташа молчит. Женька резко подходит, обнимает Наташу, начинает целовать. Наташа растеряна, никак не реагиру-

et.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.